

ЗАВОД

Нулевой брак

Александр Колючий

Александр (Колючий)
Завод. Нулевой брак

«Автор»

2026

(Колючий) А. Л.

Завод. Нулевой брак / А. Л. (Колючий) — «Автор», 2026

Брак на оборонном заводе — это не бумажки в отчёте. Это мёртвые пилоты и чьи-то миллионы в кармане. Я умер, пытаюсь это остановить. Очнулся в теле спившегося сборщика — того самого алкаша, которого сам дважды хотел уволить за брак. Теперь у меня его долги, его коллекторы у двери и тот же завод, который гонит гнилое литьё для кислородных редукторов. Через неделю эти «изделия» уйдут в войска. Главный технолог уже считает прибыль. У меня три дня, чтобы не сломали пальцы. И одна ночь, чтобы найти папку с уликами, за которую я отдал жизнь. Сорок лет инженерного опыта против системы, которая давно продаёт жизни оптом. Я уже умирал однажды. В этот раз умирать будут они. Реалистичный производственный попаданец. Без магии. Без системы. Только завод, металл и инженерная война.

© (Колючий) А. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	43
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Завод. Нулевой брак

Глава 1

Сердце — хреновая железяка. Подшипник заменил, клапан притер — и порядок. А с сердцем не так.

Я понял это в тот момент, когда перед глазами поплыли багровые круги, а гул коридоров заводоуправления «Металлурга» превратился в эхо.

Голос Лидочки, секретарши Главного технолога завода, казался тонким писком комара. Я видел её расширенные от испуга глаза. Здесь, на четвертом этаже заводоуправления, всё было слишком чистым, слишком тихим и слишком далеким от моих участков.

Я хотел ответить. Хотел, черт возьми, поднять эту папку над головой и вломиться с ней в кабинет к Самохину — Главному технологу завода. Проорать ему в лицо: «Смотри, я их дожал! ЦЗЛ дала заключение — твой временный регламент не держит нагрузку!». Хотел сказать, что теперь корпуса редукторов будут идти по нормальной технологии, которую я выбил в обход его личных интересов. Что теперь мой подчиненный Вадик перестанет гнать пористый мусор, прикрываясь его, Самохина, подписью. Я всё-таки заставил испытателей подтвердить: их экономия — это прямое убийство пилотов

Но вместо слов из горла вырвался только сухой, скрежещущий хрип, похожий на звук заклинившего подшипника.

Папка скользнула по полированному паркету, бумаги — те самые бесценные листы с красными печатями, за которые я отдал жизнь — рассыпались веером по паркету, зашуршав бумагой. Я смотрел на них сверху вниз, и мир вокруг начал схлопываться в одну яркую точку.

Погрузился в темноту. Прямо под камерой. Тринадцать тридцать две. Сорок лет работы — и всё. Последняя мысль была чисто инженерной: «Ресурс исчерпан. Мотор не выдержал нагрузки».

Очнулся — будто кувалдой по башке дали. В нос — вонь: спирт, перегар. Глаза открыл — потолок жёлтый, плывёт, как в детстве на карусели.

— Твою ж... — прохрипел я чужим, дребезжащим голосом.

Протер глаза — и замер. Руки не мои. Длинные пальцы, костяшки сбиты, под ногтями чернота. Руки мастера, которого спиртом травили. Долго и целенаправленно.

Сел на диван, а он заскрипел. Мир качнулся так, что чуть обратно не завалился. Желудок подскочил к горлу, во рту горечь, желчь и всё содержимое желудка попросилось наружу.

— Спокойно, Кузнецов... спокойно... — просипел я, пытаюсь унять дрожь в коленях.

Огляделся. Обычная общажная комната. Обои внахлест, старые, от стен кусками отходят, под ними газеты. На полу огромное количество бутылок, раскинутые по всей комнате, «Старый лекарь», в основном.

На обшарпанном столе, среди грязных кружек и окурков, стоял старый стрелочный тестер с обгоревшими щупами. Рядом валялся разобранный паяльник с самодельным жалом из толстой медной шины и целая гора латунной стружки. Видимо, прежний хозяин до последнего пытался что-то делать, паял..., а потом просто допился до ручки.

Я поднялся, едва удерживая равновесие, и доплелся до зеркала в прихожей — мутного, засиженного мухами и покрытого слоем жирного налета. Из него на меня смотрел опухший мужик. Лет тридцать, не больше. Лицо — карта военных действий: скулы острые, щетина недельная, жесткая. Мешки под глазами такие, что в них можно спрятать по набору рожковых ключей.

А глаза... мои остались. Смотрят тяжело, по-инженерному. В этом доходяге, в теле его спившемся — я. Тот самый, который вчера конструктора заставил акт подписать.

БАМ! БАМ! БАМ!

Дверь, сваренная из тонкого листа жести, содрогнулась так, что с косяка посыпалась труха.

— Слышь, Лёха, падла! Открывай! — проорали из-за двери. Голос был надрывный, хамский. — Мы знаем, что ты там затаился, обрубок!

Я замер, ладони к вискам прижал. В голове фрагменты чужой жизни всплывают: Алексей Кузнецов, тридцать лет, сборщик. Тоже на «Металлурге», но в четвёртом сборочном. Уволен? Нет, на грани. Долги — немерено.

— Бабки где, гнида? — продолжали орать снаружи, перемежая слова ударами чего-то тяжелого по металлу. — Ты за микрозайм три месяца не заносил! «Быстрые деньги» проценты не прощают! Сейчас дверь вынесем и будем твои руки золотые в обратную сторону выгибать!

В памяти всплыла цифра: шестьдесят тысяч рублей. Для этого парня — сумма запретельная. Лёха-прежний брал их, чтобы «перезапуститься», купить инструмент, начать шабашить..., а в итоге просто пропил за две недели, когда понял, что из этой ямы не вылезти.

— Слышь, козлина! Считаю до трех! Один! — Снаружи послышался металлический скрежет монтировки, входящей в щель между дверью и косяком.

Я выпрямился. Страх? Боязни ни какой не было, внутри только ярость. Меня, старшего технолога, какой-то уличный мусор собирается ломать?

— ТРИ! ЛОМАЙ ЕЁ!

Дверь рванули снаружи, вцепившись в ручку всей пятерней. Я с размаху воткнул вилку в розетку.

ТРАХ!

Синяя вспышка на мгновение ослепила комнату. Раздался треск электрической дуги и дикий, нечеловеческий вопль. Того, кто держался за ручку, вырвало знатно — даже монтировку выронил. Глухой удар тела об пол лестничной клетки, грохот выроненной монтировки и панический топот убегающих ног.

Я выдернул вилку из розетки. В носу защекотал едкий запах горелой изоляции.

— Технологию не пропьешь... — выдохнул я, сползая по стенке.

Сердце колотится, молодое, здоровое, без шрамов. Работало на износ — и работало. Я посмотрел на телефон, вибрирующий на полу среди окурков. На экране горело сообщение от мастера участка.

СМС: «Кузнецов, ты где, чмо? Смена через 40 минут. Если узлы клапанов вдоха сегодня не будут собраны и не пройдут проверку на поток — Петрович тебя в дисбат под конвой отправит за саботаж гособоронзаказа. Это твой последний шанс. Не сдашь партию — живые позавидуют мертвым».

Я встал. Посмотрел на свои руки — грязные, дрожащие, но живые.

— Клапаны вдоха, значит... — пробормотал я, вытирая лицо засаленным рукавом. — Там седла литые, плоскости нет ни черта, слюда будет вибрировать и травить. А Петрович хочет, чтобы они «поток» держали.

Я зашел в ванную, плеснул в лицо ледяной водой. Похмелье все еще давило на затылок, мутило, но внутри уже разгорался тот самый азарт, который заставлял меня когда-то сутками не вылезать из ЦЗЛ.

— Ладно, Вадик, ладно, Петрович... Посмотрим, как вы эти клапаны без нормальной притирки сдавать собирались.

Дорога до завода была мне чужой, а ноги сами шли. Странно: мой мозг карту в голове рисовал, а тело Лёхи просто ногами знало, где срезать, где обойти. Он же тут всю жизнь прожил.

Пятнадцать минут бодрого шага мимо обшарпанных пятиэтажек и ржавых остовов какой-то спецтехники — и вот он, заводской забор.

Иду, а сердце у молодого Кузнецова знай себе стучит, ровно, мощно. Ни одышки, ни боли в суставах. Похмелье ещё мутит, но адреналин после драки немного в чувство привёл.

Мимо проносились лозунги на стенах: «Брак — это диверсия!», «Точность — залог победы!». Раньше я видел их из окна кабинета, теперь они нависали надо мной, впечатанные в серый бетон.

У проходной уже скапливался народ. Вторая смена подтягивалась к главному входу. Мужики в засаленных куртках, хмурые, невыспавшиеся, докуривали последнюю перед сменой сигарету.

Я пристроился к очереди за десять минут до начала смены.

— Опа! Гляньте-ка, никак Лёха-Золотые ручки? — раздался сзади хриплый смешок. — Ты что, часы заложил, раз так рано припёрся? Или в вытрезвителе места кончились?

Я обернулся. За мной стояли двое из моего цеха — Саня Горбатый и его вечный спутник, косой малый. Оба скалились, ожидая привычной порции мата или невнятного мычания в ответ.

— Здорово, мужики, — ответил я спокойно, глядя Сане прямо в глаза. — Решил сегодня без штрафов поработать. Возражения есть?

Горбатый поперхнулся смешком. Мой уверенный голос, явно не вязался с образом Лёхи-доходяги.

— Ты чего, перепил, что ли? — Саня подозрительно прищурился. — Какой-то ты сегодня... накрахмаленный. Смотри, Петрович тебя за вчерашнее так «отблагодарит», что до конца месяца на воде сидеть будешь.

— Разберемся, — отрезал я и шагнул к турникету.

ПИП.

«Алексей Кузнецов. Сборщик 4-го разряда. Участок сборки кислородного оборудования. До начала смены: 10 минут. Допуск разрешен».

Я прошел через лязгающие лопасти, чувствуя на спине их удивленные взгляды.

Я зашагал по территории завода. Впереди, возвышаясь над цехами, стояло здание административного корпуса. Там, на третьем этаже в 13:32, врачи должны были констатировать смерть моего прежнего тела. Дикое чувство — идти на смену работягой, зная, что в паре сотен метров от тебя остывает твоя прошлая жизнь.

Тело уверенно вело меня в сторону четвертого цеха. На входе в сборочный зал — обязательный ритуал: воздушный душ в тамбуре, смена обуви на светлые тапочки и одевание белого халата.

Я зашел внутрь. Я прошел к своему рабочему месту — столу, где в полнейшем хаосе валялись детали клапанов вдоха.

Я взял одно литое основание, поднес к свету.

— Матерь божья... — выдохнул я. — Как вы вообще планировали это сдавать? Это же чистый брак.

— Кузнецов?! — раздался громовой бас за спиной. — Ты что, часы перепутал или у тебя совесть проснулась? Ты почему за столом, когда до начала еще пять минут?

Ко мне через центральный проход шел Петрович. Огромный, в белом рабочем халате. Рядом с ним шел Вадик — технолог в белоснежной рубашке и таком же халате, с таким лицом, будто у него под носом разбили тухлое яйцо.

— Готовлюсь к работе, Петрович, — я обернулся к нему, сохраняя спокойствие. — У нас тут проблема с литьем седел. Половина партии — под списание, если не вмешаться.

Петрович замер на месте, а Вадик едва не выронил свой планшет.

Петрович остановился в метре от моего стола, скрестив на груди руки. В своем белом халате, натянутом на мощные плечи, он напоминал не то хирурга-гиганта, не то заправского мясника, решившего заняться микроэлектроникой. Вадик, стоявший рядом, в таком же халате выглядел совсем уж бледно — как лаборант-первогодка, который боится собственной тени.

— Ну, Кузнецов, — пробасил Петрович, оглядывая мой стол. — Показывай свою «инженерную мысль». Вадим говорит, ты тут вчера весь вечер партию порол, а потом и вовсе сбежал. Я молча взял со стола литое основание клапана вдоха.

— Смотри сюда, Петрович. Видишь это? — я поднес деталь почти к самому носу начальника цеха. — Это называется «облой». А вот тут, на самом седле, где слюдяной лепесток должен прилегать плотнее, чем кожа к мясу, у нас ступенька в полторы десятки. Пресс-форма косяя, как совесть поставщика.

— Мои расчеты учитывают допуски литья! — пискнул Вадик. — Это допустимое отклонение по ТУ!

— Твои расчеты, Вадик, хороши для пластиковых ведер, а не для кислородного оборудования, — я оборвал его жестко. — Слюда — материал капризный. Она на такую ступеньку не ляжет, она будет вибрировать при вдохе, создавая щель. В итоге маска начнет подсасывать воздух из кабины. Ты сам-то хочешь такой маской дышать? Давай, надевай, я сейчас в баллон азота качну, проверим твои ТУ на практике.

Вадик побледнел и отступил на шаг, едва не задев плечом проходящего мимо механика в засаленной темно-синей спецовке. Тот лишь хмуро глянул на «белых халатов» и прошел дальше, позвякивая ключами.

Петрович нахмурился, выхватил у меня деталь и прищурился, разглядывая пластик на свет.

— И что ты предлагаешь? — буркнул он. — Других оснований нет, литейка новую партию только через неделю выдаст. А у меня отгрузка завтра утром.

— Предлагаю вспомнить, что мы на заводе, а не на лекции, — я вытащил из нижнего ящика стола лист мелкой наждачной бумаги. — Отойди, Вадик. Не мешай Мастеру исправлять твои ошибки.

Я разложил на идеально чистом пластике стола лист «восьмисотки». Тщательно, марлей, смоченной в спирте, протер поверхность. Чистота здесь — закон, любая соринка под наждачкой убьет плоскость.

— Смотрите, как это делается.

Я прижал основание клапана к абразиву. Движения были скупыми, круговыми, строго по вектору описываю «восьмерку». Внутренний метроном в голове отсчитывал такты. Вращение — легкий нажим — отпуск. Сначала пошел неприятный, царапающий звук — «ступенька» на седле цеплялась за бумагу. Но через минуту характер звука изменился на ровное, монотонное шипение.

Я поднял деталь, сдул пыль сжатым воздухом из пистолета и снова поднес к свету. Облой исчез. Ступенька сравнялась.

— Это только черновая, — пробормотал я.

Я сменил лист на «тысячную». Руки работали с точностью, которой у прежнего Лёхи никогда не было. Сказывался сорокалетний опыт — руки делали своё дело, даже когда голова ещё не до конца соображала. Наконец, я нанес на чистую поверхность стекла каплю полировочного состава. Еще пара минут — и поверхность седла превратилась в зеркало.

— Теперь клапан, — я взял тонкую слюдяную пластинку.

Слюда — материал капризный, ломкий. Чуть пережмешь — треснет. Я аккуратно проверил её края, обезжирил и накинул на центральный штифт. Прижал сверху фиксирующей гайкой. Пальцы чувствовали момент затяжки без всякого ключа — ровно столько, чтобы не раздавить слюду, но и не дать ей люфтить.

— Собираем, — я защелкнул узел и накрыл его резиновым чехлом.

Я поднес собранный клапан к губам и резко втянул воздух. Устройство отозвалось коротким, сочным «чмок» — лепесток идеально присосался к седлу. Я попытался дунуть обратно — клапан стоял насмерть. Ни малейшего свиста.

— Держит, — я протянул узел Петровичу. — Неси на проверочный стенд. Если реометр хоть на деление дернется — можешь выписывать мне расчет.

Петрович взял деталь, повертел её в своих лапищах. Посмотрел на замершего Вадика, потом на меня.

— Оля! — рявкнул он на весь участок. — Эту деталь на стенд! Живо!

Ольга, пожилая сборщица в безупречно чистом халате, испуганно подбежала, схватила клапан и почти бегом припустила к испытательной стойке. Весь цех замер. Даже механики у входа перестали греметь железом.

Через минуту Ольга обернулась. В глазах её было неподдельное изумление:

— Петрович! Ноль! Герметичность абсолютная!

Вадик судорожно сглотнул, глядя на свои начищенные туфли. А я просто взял следующую деталь из кучи брака.

— Еще сорок девять штук, Петрович, — сказал я, не глядя на начальство. — Дай мне Палыча в помощь. Я покажу ему, как выводить плоскость, и до конца смены мы закроем наряд.

Петрович медленно, тяжело положил руку мне на плечо. Белый рукав его халата на мгновение перекрыл мне обзор.

— Работай, Кузнецов. Палыча пришлю. И... это. В конце смены зайди ко мне. Поговорим про твои штрафы.

Глава 2

Палыч спокойным, неторопливым шагом подошёл. Белый халат, застегнутый на все пуговицы. Лицо в морщинах. Стоит, молчит, смотрит как я работаю — давно такого усердия в моей работе он не видел.

Он долго стоял молча. Смотрел, как я вывожу очередную безупречную восьмерку основанием клапана по наждачной бумаге. Для постороннего — скука смертная, а для мастера — работа.

— Ну и долго ты будешь этот пластик гладить, Лёха? — наконец спросил он. — Петрович сказал, ты тут чудо явил, а я вижу только, как бездельник казенный инструмент переводит. Ты ж её «засалишь» через пять минут, дурень. Наждачка — она денег стоит, а ты её как туалетную бумагу изводишь.

Руки делают своё, я даже не посмотрел в его сторону. Давление — сам знаю сколько, триста граммов где-то. Чуть поворот, отпуск. Только мышцы предплечья заныли — непривычно телу-то. Оно у Лёхи только стаканы поднимать обучено, а тут микрометры. Ноеет, сволочь.

— Не засаю. Я спиртом после каждого прохода прохожу, — буркнул я, не глядя на него. — Стружка липкая, если не убрать — микрозадир пойдёт. И вместо зеркала получим наждак, который слюду сожрёт за десять вдохов. Хочешь, чтоб на приёмке засвистело?

Палыч недоверчиво хмыкнул. Он подошел ближе, бесцеремонно взял с края стола необработанную деталь и провел по ней грубым, мозолистым пальцем.

— Да брось ты, Лёха. Резина всё придавит. Нас сорок лет так учили: затянул гайку посильнее, оно и герметично. Ты просто время тянешь, чтобы норму не гнать.

Я остановился. Положил деталь. Ощущение было такое, будто я спорю с самим собой из прошлого. Сорок лет назад я бы тоже так сказал, если бы не видел, к чему приводит эта «затяжка посильнее».

— Подойди сюда, Палыч, — я поманил его рукой. — Не верь словам, верь тактильному ощущению. Ты же мастер, у тебя в пальцах калибры вшиты.

Я взял его сухую руку и сначала прижал палец к литью из ящика — тому самому, «вади-ковскому».

— Чувствуешь? Ступенька. Облой. Поверхность как чешуя у окуня. А теперь сюда.

Я переложил его палец на притертое зеркало.

— Это молекулярный контакт, Палыч. Слюда на него ляжет как влитая, без единого зазора. А на твое «придавит» она просто встанет на ребро и лопнет под давлением. Хочешь, чтобы у пилота в небе клапан рассыпался, потому что тебе было лень салфеткой махнуть?

Палыч руку отдернул, как от огня. Уставился так, будто я на его глазах в бракодела превратился. Его мир простых советских решений, где всё «придавливалось» кувалдой и матерью, только что треснул.

— Ты где этого набрался? — пробормотал он, потирая палец. — В «Старом лекаре» теперь лекции читают? Ты ж еще неделю назад двух слов связать не мог, мычал только...

— Жизнь заставила, Палыч. Надоело штрафы платить за брак, который не я придумал. Я подвинул к нему стопку некондиционных оснований.

— План на нас двоих Петрович расписал. Если не сдадим — он нас обоих сожрет без соли. Будешь помогать или продолжишь теорию проверять?

Палыч молча достал из кармана халата флакон со спиртом, плеснул на чистую марлю и аккуратно протер поверхность своего рабочего места. Достал очки в роговой оправе, перевязанной синей изолентой.

— Показывай, как ты там восьмерки крутишь, — буркнул он. — Гидродинамик хренов...

Следующий час я работал на чистом автомате. Каждый звук притирки для меня был как открытая книга: высокий писк — задир, надо менять наждачку; глухое шуршание — чистая доводка.

Я чувствовал, как под моими пальцами исчезает позорный облой, как выравнивается плоскость, которую изуродовала дешёвая китайская пресс-форма. Палыч работал вторым номером. У него было феноменальное, врожденное чутье материала, но не хватало теоретической школы. Я корректировал его на ходу:

— Чуть легче на выходе, Палыч, не заваливай край. Здесь допуск — полмикрона, если пережмешь — получим «линзу», и слюда начнет хлопать.

Мы превратились в единый механизм. Я видел, как другие сборщики начали коситься в нашу сторону. Напряжение на участке, которое было с самого утра, начало понемногу спадать, сменяясь гулом любопытства. Вадик пару раз проходил мимо, чеканя шаг своими начищенными туфлями, но подойти не решался — авторитет Палыча на участке был железобетонным, а мой новый взгляд обещал Вадике немедленную и очень подробную лекцию о его профнепригодности.

В восемь вечера цех изменил ритм. Люди начали откладывать инструмент, выключать локальное освещение. Перерыв на ужин на «Металлурге» был коротким, но обязательным.

В столовой стоял гул голосов, звон алюминиевых подносов и густой, въедливый запах тушеной капусты. Я шел в очереди на автомате, но тело Лёхи вдруг выдало предательскую реакцию. При виде чая в граненых стаканах желудок скрутило спазмом, а в голове мелькнула картинка: прозрачная жидкость, резкий запах, мгновенное тепло в горле...

«Стоять!» — приказал я себе. Пальцы с силой сжали поднос. — «Только не сегодня. Только не в эту смену».

Мы усадились за длинный стол рядом с мужиками из заготовительного. Федька, местный пустомеля, уже азартно размахивал ложкой:

— ...я вам говорю, прямо там и хлопнулся! На четвертом этаже, у самых дверей Самохина. Врачи приехали, а там уже «ноль». Пульса нет, зрачки расширены. Конец Старшему цеховому!

Я замер с поднятой вилкой. В груди стало холодно, будто я снова ощутил тот ледяной спазм в заводууправлении. Услышать о собственной смерти, ковыряя эту кашу... дичь какая-то.

— Какого Кузнецова? — угрюмо спросил Палыч. — Их на заводе десяток.

— Так Алексея Михайловича! Технолога старшего! — Федька понизил голос до шепота. — Говорят, он папку какую-то нес, важную. Суэта там сейчас в админке — СБ всё опепило, Лидочку-секретаршу откачивают. Мужик суровый был, но дело знал. Вчера еще Вадике вашему за литье хвост накручивал, а сегодня — всё, ресурс исчерпан. Сердце.

За столом наступила тишина. Даже Палыч перестал жевать.

— Лютый был старик, — протянул Горбатый, сидевший напротив. — Помню, как он мне за лишнюю сотку в допуске на валу чуть всю премию не срезал. Смотрит на деталь — и будто рентгеном просвечивает. Профи был, чего уж там. Таких сейчас не делают.

— Да уж, профи... — вставил кто-то из молодых. — Из-за его «профи» мы в прошлом месяце без надбавки сидели. Завернул всю партию корпусов, сказал — литье пористое. Слишком правильный был. Не от мира сего.

«Слишком правильный», — эти слова ударили мне в спину хлеще любого выговора. Они не понимали, что моя «правильность» — это единственный барьер, который отделял их от тюрьмы, а самолеты — от катастроф.

Папка... — пробежала мысль. — Если Самохин её подобрал — актов нет. И пойдёт это гнильё в небо. А там — до двадцати тысяч метров, и пилоту плевать на экономию.

— Слышь, Лёха, ты чего побледнел? — Палыч толкнул меня в бок. — Однофамилец, бывает. Не бери в голову. Тебе сейчас о живых думать надо, а не о покойниках.

Я заставил себя проглотить кусок хлеба, который встал комом в горле.

— Да так, Палыч... Просто представил, какой там сейчас бардак. Столько документов, графиков... Кто теперь это разгребать будет?

— Найдут кого, свято место пусто не бывает, — философски заметил Федька. — Завтра уже какого-нибудь племянника замдиректора на его место посадят, и полетят наши клапаны со свистом.

«Не полетят», — подумал я, поднимаясь из-за стола. — «Пока я здесь — я вам не дам гробить людей».

Вернувшись на участок, мы столкнулись с Вадиком. На этот раз он был не один. Рядом с ним, едва ли не чеканя шаг, шла Зинаида Петровна. Старший контролер ОТК. Её тут за глаза Женщиной-ГОСТ звали. Про неё байки травили: будто она на ощупь десятку от сотки отличает.

— Вот, Зинаида Петровна! — Вадик театрально указал на мой стол, где Палыч как раз полировал седло. — Полюбуйтесь на эту самодеятельность! Нарушение утвержденного регламента! Кузнецов использует несанкционированные абразивы, фактически меняет геометрию детали, прошедшей входной контроль! Это саботаж!

Зинаида Петровна подошла к столу. Поправила очки на цепочке и посмотрела на наждачную бумагу так, будто я здесь занимался черной магией в стерильной зоне.

— Кузнецов, — её голос был скрипучим, как несмазанная телега. — Что это за кустарщина? Вы понимаете, что ручная доводка не внесена в техкарту? Каким номером зерна работаете? Где сертификат соответствия на этот абразив?

Палыч рядом со мной замер, его руки заметно дрогнули. Спорить с ОТК для рядового сборщика было равносильно прыжку под танк.

Я спокойно положил деталь на стол и выпрямился. Тело Лёхи Кузнецова было ниже моего прежнего, но взгляд остался мой. Тот самый, каким я на планерках на Вадика смотрел.

— Зинаида Петровна, — начал я, стараясь, чтобы в голосе не прорезались интонации «того самого» Кузнецова. — В техкарте, которую подписал Вадим Игоревич, указано: «Обеспечить герметичность узла при давлении в один килограмм». Так?

— Так, — поджала губы Петровна.

— А теперь, Вадик, — я повернулся к технологу, — возьми любое основание из ящика. Прямо сейчас. Собери его строго по своей инструкции и поставь на стенд. При Зинаиде Петровне.

Вадик засуетился, начал лепетать про «статистическую погрешность», но под взором контролера сник. Он дрожащими руками схватил деталь, накинул слюду и воткнул узел в зажим реометра.

Шипение воздуха было слышно даже в дальнем конце участка. Жидкость в стеклянной трубке реометра подскочила вверх, мгновенно выходя за красную черту допуска.

— Брак, — констатировала Петровна.

— Это дефект литья! — вскрикнул Вадик. — Случайность!

— Вот именно, Вадик. Дефект литья. И вся партия такая, — я пододвинул к контролеру деталь, которую только что закончил Палыч. — Проверьте эту. Здесь тот же дефект устранен за три минуты ручной притирки.

Зинаида Петровна сама вставила деталь в стенд. В цеху повисла тишина, что было слышно, как гудит трансформатор. Я чувствовал, как у Палыча за спиной вспотели ладони. Если бы сейчас жидкость в трубке хоть на миллиметр поползла вверх — нас бы обоих вывели с завода с «волчьим билетом».

Но жидкость стояла как вкопанная. Уровень не шелохнулся. Идеальная, абсолютная герметичность.

— Ноль, — произнесла Петровна. — Утечки нет.

— Это нарушение процесса... — пробормотал Вадик, пятясь назад.

— Мы не можем сертифицировать убийство пилотов, Вадик, — отрезал я. — Зинаида Петровна, что важнее: формальное соблюдение кривой техкарты или узел, который работает? Если я сейчас остановлю работу, завтра Петрович будет объяснять директору, почему сорван гособоронзаказ.

Петровна долго смотрела на зеркальную поверхность седла. В её глазах на секунду промелькнуло что-то странное. Она словно увидела призрак в глазах заводского алкаша.

— Кузнецов, — произнесла она наконец. — Я не могу официально разрешить наждачку. Но я приму эту партию только в том случае, если каждый узел будет держать давление так же, как этот. А вы, Вадим Игоревич, завтра утром жду у себя с объяснительной: почему техпроцесс не обеспечивает выход годной продукции без слесарных работ.

Когда они ушли, Палыч шумно выдохнул.

— Ну ты, Лёха, камикадзе... Она же могла нас под статью подвести.

До конца смены оставалось меньше часа. Ко мне подошел дядя Коля — механик в засаленной темно-синей спецовке.

— Слышь, Кузнецов... Я видел, как ты Вадика умыл. Ты же в схемах соображаешь? Дома телек ЖК потух. Звук есть, картинки — болт. В мастерской заломили столько, что проще новый купить. Сказали — матрица. А я нутром чую — врут.

Я мгновенно прокрутил в голове схему инвертора и типичные болячки линеек подсветки.

— Скорее всего, пробило один диод в планке. Или кондеры в блоке питания «беременные». Делов на вечер.

— Выручишь, а? Пятьсот рублей за работу накину сразу, как картинка появится.

Пятьсот рублей. Для нынешнего Лёхи это было спасение.

— Давай так, дядя Коля. С тебя деньги и... поможешь мне разузнать про документы в админке. У тебя же там Иваныч на вахте?

Механик хитро прищурился.

— По рукам, Лёха. Пойдем ко мне после смены.

В конце дня Петрович вызвал меня к себе. Он молча вертел мой первый клапан под настольной лампой.

— Садись, Кузнецов. Семьсот рублей премии я тебе выписал. За спасение партии. Но Вадик на тебя злой, будет докладную строчить в КБ.

— Пусть пишет, Петрович. Его авторитет на герметичность не влияет.

Я вышел из кабинета Петровича, сжимая в кармане несуществующую ещё премию. Семьсот рублей. Плюс пятьсот от Коляна, если получится с телевизором.

— Тысяча двести, — пробормотал я. — За день. Для этого тела — космос.

Палыч уже ушёл. Вадик, наверное, строчит докладную в КБ. А я стоял в пустом коридоре раздевалки и смотрел на свои руки. Они больше не дрожали.

— Кузнецов! — окликнул меня дядя Коля из дверей каптёрки. — Ты как, идёшь? Или передумал?

— Иду. Показывай, где живёшь.

— Ну наконец-то, — механик довольно потёр руки. — Жена уже закипела, как чайник без автоматики.

Мы вышли в заводскую ночь. Впереди светился административный корпус. Я заставил себя не смотреть туда. Сначала — телевизор. А дальше...

— Далеко живёшь-то, Коль?

— Да тут, в соседнем квартале. Минут десять на автобусе.

Десять минут. За это можно либо загнуться, либо начать всё сначала. Я зашагал следом.
До коллекторов — сорок восемь часов.

Глава 3

Одиннадцать. Смена закончилась. Из проходной «Металлурга» выходил усталый, молчаливый поток рабочих. Турникеты лязгали без остановки, выпускаая отработавший смену персонал. В помещении проходной пахло прелой одеждой и потом. Мужики шли, опустив головы, пряча глаза. Никто не хотел, чтобы его окликнули и заставили вернуться обратно в этот бесконечный гул станков и шипение пневматики.

Я шел в этой толпе. Тело Лёхи привычно продвигало в этой толпе ближе к турникету. Мой взгляд был устремлен вверх. Пятиэтажная коробка, облицованная светлой плиткой, с вечно работающими кондиционерами на фасаде. Заводоуправление. Погашенный свет, только дежурное освещение виднелось в окнах коридора.

Я снова оказался там. Вспышки памяти. Последние секунды жизни перед смертью. Вот я выхожу из лифта, папка под мышкой, внутри лежат акты, за которые я долго бился. Вот Лидочка выходит из приёмной, ее лицо испуганно, что-то говорит мне, но я ее уже не слышу. В груди почувствовал что, что-то разорвалось. Резкая усталость и нехватка сил. Ноги подкашиваются и я падаю. Даже боли не почувствовал. Странно. Пальцы разжимаются и папка устремляется в неуправляемый полет. Вылетают листы и плавно ложатся на паркет. Последний кадр, как в кино — белые квадраты паркета.

Дальнейшая история с документами для меня остается загадкой. Может, Лидочка в истерике растоптала бумаги каблуками, пока врачи пытались меня реанимировать. Может, охранники прибежали, сгребли всё в кучу и унесли в дежурку.

Сейчас крутилась только одна мысль о папке с документами. Последние месяцы она была моей единственной целью. Без неё Самохин продолжит гнать своё гнильё, Вадик будет штамповать техкарты с прочерками. Всё ради экономии и пополнения собственного кошелька, возможно, через месяц, а может и два в полку парень на высоте не сможет вдохнуть.

— Лёха! — Коля дёрнул за рукав, вырывая меня из собственных мыслей. — Что с тобой? Давай быстрее. Автобус наш сейчас уедет и нам придется пешком пилить.

Я только сейчас заметил, что мы находимся на пустой остановке. Я прибавил шаг, но злополучный автобус даже не стал останавливаться. Просто проехал мимо и его красные габариты устремились прочь за поворотом.

Так нам пришлось идти пешком и этим Коля был очень сильно раздосадован.

— Погоди, Коль. — Я кивнул в сторону административного корпуса. — Скажи, охрана там ночью есть?

— Охрана? Там «режимка», Лёха. Белые воротнички до шести разбегаются, а в десять дежурный офицер обход делает. Двери проверяет, на каждую нитку с пластилином лепит и печать ставит. В «Белом доме» мышь не проскочит без допуска. Слышал, завтра комиссия из главка приедет. Будут разбираться почему он на тот свет ушел. Бумаги покойного Кузнецова в его кабинете просматривать. А в админке — опрашивать всех, кто его последним видел.

Завтра. Значит, очень мало. Надо за это время узнать где она. Если папка не у Самохина, она должна быть где-то в здании, возможно, на посту охраны или в приёмной у Лидочки, а может, в канцелярии. Завтра комиссия начнёт копать в моём цеховом кабинете. Самохин поймёт, что актов в сейфе нет. Сделает всё, чтобы уничтожить улики раньше, чем я успею что-то предпринять. Времени нет.

— Чего замер? — Коля окликнул меня. — Пошли давай, до моего дома топать минут тридцать еще. Успеешь подумать на ходу.

— Ничего, Коль, мысли разные в голову лезут. — Я отвернулся от «Белого дома» и сделал шаг вслед за ним.

Мы пошли вдоль разбитой дороги по обочине, ведущей прочь от заводских ворот. Слева находился бесконечный бетонный забор. На нем мелькали плакаты, призывающие беречь государственность и не допускать брака. Вдоль всего забора по верхушке тянулась колючая проволока. Справа были пустыри, заросшие полынью в человеческий рост, и заброшенные здания недостроенных цехов. Говорили, лет сорок назад тут хотели возвести новый прокатный стан, да денег не хватило. Так и стоял этот скелет, пугая ворон и напоминая о несбывшихся планах коммунизма.

Фонари работали через один, пытались экономить. Работающие давали тусклый желтый свет, подсвечивая небольшие участки асфальта и прилегающую территорию к дороге. Проезжающие мимо машины поднимали пыль. Где-то далеко лаяли собаки.

Это был настоящий мир Лехи. Мир, который я, будучи еще живым, видел только из окна автобуса, когда ездил на дачу к знакомым. Мельком, сквозь стёкла, не замечая деталей. Теперь я нахожусь внутри, грязь на подошвах, пыль в легких. Мир, из которого захотелось вынырнуть и больше не возвращаться. Жизнь говорила обратное.

Прошли мимо круглосуточного ларька на перекрёстке. За стеклом горела одинокая лампочка, освещающая полки с дешёвым пойлом, чипсами и сигаретами. Внутри как будто включили тумблер. Тело начало подавать признаки прошлого Лехи. Внутри всё сжалось, желудок начал подавать спазмы, а во рту мгновенно появилось много слюны. Организм, привыкший получать свою дозу каждый вечер, требовал. Пальцы самовольно, начали шарить в кармане в поисках мелочи, ноги замедлили шаг, поворачивая к ларьку.

Я остановился и зажмурился. Внутри меня началась борьба.

Тело прежнего Лёхи, который знал только одно лекарство от тоски и страха. Его тело ныло, скулило, умоляло: «Купи, плесни, станет легче, ты же хочешь, ты же знаешь это тепло, разгоняющее кровь. После которого весь этот мрак становится не таким уж страшным». Я чувствовал проступившую дрожь по всему телу и отвратительный вкус спиртового раствора ещё до того, как сделан глоток. Это была память тела, сильнее любого разума.

Соппротивление разума Старого инженера, который всю жизнь боролся с браком, с дураками и системой. Он не пил, потому что трезвая голова нужна была всегда, и сейчас он орал внутри: «Стоять! Только попробуй! Если сорвёшься сейчас — всё, конец. Петрович учует за версту и вышвырнет с завода. Со старой жизнью покончено!»

Я заставил себя сделать шаг прочь от ларька. Несколько шагов. Тело сопротивлялось, но я брал его на измор.

— Ты чего? — Коля оглянулся. — Позеленел весь. Слышь, давай возьмём, а? Я проставлюсь, за ремонт там... Глядеть на тебя больно — трясёт всего.

— Не надо, Коль, — с трудом я выдавил из себя. — Сегодня голова нужна как осциллограф. Поэтому на сухую.

— Ну смотри, — удивленным голосом произнес механик и пожал плечами. — Раньше тебя от этого киоска за уши не оттащить было. Видать, правда вчера траванулся чем-то, раз так говорить начал.

Мы шли дальше через рабочий квартал. Одинаковые, пятиэтажные «хрущёвки» с облупившейся штукатуркой, облезлыми скамейками у подъездов, поломанными детскими площадками. В некоторых окнах ещё горел свет, проглядывались силуэты людей через шторы. Кто-то смотрел телевизор, кто-то скандалил.

Мы свернули во двор, где жил Коля. Фонари не горели. Освещал улицу лишь свет из окна второго этажа. Тусклый свет падал на покорёженную детскую горку и старую «копейку» без колёс.

— Коль, — я понизил голос, — а Иваныч этот, с вахты... с ним вообще договориться можно? Если вежливо попросить, пустит?

Коля остановился, повернулся ко мне. В полумраке было видно, как он прищурился, оценивая вопрос.

— Смотря с чем подойти. Иваныч мужик правильный, себе на уме. Просто так не пустит, тем более в админку. Там режим, камеры. Ключик найти, думаю, можно.

Он замолчал, почесал подбородок.

— А ключик у него один — техника. Помешан старик на старом звуке. У него в каптёрке усилитель ламповый «Радиотехника» стоит. Он его холил лучше жены. Только сдохла она у него, «Радиотехника» эта. Говорит, звук стал как из унитаза, и правый канал затих. Он из-за этого злой на весь свет, на всех кидается.

— А если я ему этот усилитель почию? — спросил я. — Он бы мне позволил в административный корпус зайти? На пять минут. Вещи забрать, которые Кузнецов там обронил, когда... ну, когда сердце прихватило.

Коля удивлённо посмотрел на меня.

— Ты что, дурак? — зашипел он. — В опечатанную админку через Иваныча лезть? Да его с работы попрут, а тебя... — он провёл ребром ладони по горлу. — Там камеры, режим, СБ.

— Камеры не везде, а Иваныч каждый угол знает. Если он захочет, сделает так, что меня никто не увидит.

Коля замолчал, начал переваривать сказанное.

— Ладно, пошли сначала телек смотреть. Там видно будет. Но Иваныч — мужик тёртый, просто так рисковать не станет. Если только ты ему действительно что-то такое сделаешь, от чего он обалдеет.

— Сделаю, — сказал я и шагнул в подъезд.

Коля открыл дверь в подъезд и первым шагнул внутрь, я следом. В подъезде воняло кошачьей мочой, какой-то жареной рыбой и то ли сыростью, то ли плесенью. Отвратительный букет ароматов ударил в нос, от которой чуть не вышло содержимое желудка наружу. Лифт, конечно же, не работал. Мы поднялись пешком на четвёртый этаж. Кардионагрузка на молодое сердце была полезной, оно билось ровно, мощно, без перебоев. Хороший мотор. Жаль, что прежний хозяин заливал в него только палёный спирт. Ничего, теперь я буду заправлять его нормальным топливом.

Квартира у Коли оказалась обычной, рабочей. Коридор завален обувью, на стенах чеканка с оленями и ковры с цветочками. На кухне пахло жареным луком и чем-то сладким. На пороге нас встретила жена Коли, полная женщина в байковом халате, подозрительно взглянула на меня. Небрежно понюхала, убедившись, что от меня не разит перегаром, молча ушла в комнату.

Коля положил на кухонный стол телевизор — тонкий, плоский. Корпус с жирными пятнами отпечатков пальцев.

— Вот, полгода копили, месяц смотрели. И на тебе — чёрный экран, а звук есть. В мастерской сказали матрица сгорела, ремонт дороже нового. А я нутром чую — врут, гады. Просто бабок хотят заработать или братся не хотят.

Я взял отвёртку, начал откручивать заднюю крышку. Сразу начал продумывать дальнейшие свои действия. Звук есть — значит, процессор и тюнер живы. Картинка не показывает — значит, подсветка не работает, либо матрица. Подсветку проверить проще. Возможны только три причины: блок питания не даёт нужного напряжения на инвертор, сам инвертор сдох или диод выгорел. Типичная болячка этих моделей — это электролитические конденсаторы в дежурке. Они любят сохнуть от перегрева.

Крышку снял довольно быстро. Заглянул внутрь, и увидел два вздутых конденсатора в блоке питания, верхушки потемнели. «Беременные», даже проверять диоды не пришлось.

— Есть у тебя старая электроника? — спросил я, не оборачиваясь. — Видак, приставка, что угодно, откуда можно выпаять конденсаторы?

Коля почесал затылок, потом полез в кладовку и вытащил пыльный ящик с рухлядью. Там был и старый плеер, и разобранный DVD-проигрыватель, и куча плат неизвестного назначения.

Я покопался в этом хламе, перебирая платы, и нашёл несколько конденсаторов нужной ёмкости и напряжения. Отложил микросхемы в сторону.

— Инструмент давай, — сказал я Коле. — Паяльник, припой, всё что есть.

Коля залез в кладовку, долго там гремел, наконец вытащил пыльный ящик с инструментами. Поставил на табуретку, открыл. Я заглянул внутрь и едва не рассмеялся. Паяльник там был настоящим монстром: огромный, ватт на сто, жало обгоревшее, кривое — таким только кастрюли лудить или шины паять. Рядом лежала катушка толстеного припоя и баночка с чёрной канифолью, похожей на застывший вар.

— Это всё? — спросил я, всё ещё надеясь на чудо.

— А что, мало? — Коля обиженно поджал губы. — Я им розетку чинил, работает.

— Розетку, — вздохнул я. — Ладно, Коль. Будем выкручиваться. Дай хоть настольную лампу, мне свет нужен.

Коля принёс настольную лампу, поставил на стол, вкрутил стоваттную лампочку. Стало светлее. Я взял в руки этого монстра, воткнул вилку в розетку. Пока паяльник грелся, быстро пробежался по диодным дорожкам. Битых диодов не обнаружил, причина была выявлена. Осталось выпаять вздутые конденсаторы огромным подручным «монстром».

— Чем пайку снимать? — спросил я у Коли. — Иголка, шило, а может пинцет где-то завалился?

Коля снова почесал затылок, потом полез в карман и достал складной нож с допотопным шилом.

— Пинцета точно нет. Есть это. Подойдет? — протягивая разложенный нож, протянул Колян.

— Сойдёт, — буркнул я.

Прогрев жало, как только появился дымок от канифоли я приступил к работе. Попробовал коснуться контакта, но жало было толстым и перекрывало сразу три дорожки. Долгое нагревание испортит все контакты.

Я сделал глубокий вдох и задержал дыхание, чувствовал себя хирургом на ответственной операции. Поднес толстое жало сбоку и начал нагревать одну дорожку конденсатора, в то же время пытался приподнять деталь. Припой не поддавался. То ли не до конца разогрелся паяльник и жало не прогрето, то ли жало с плохой теплопередачей, что не передает нужную температуру припою. Рука начала от напряжения дрожать.

— Да твою ж... — прошипел я сквозь зубы.

Положил паяльник на подставку и встряхнул руки, разгоняя кровь.

Колян с уважением на это пристально смотрел, боясь сказать хоть слово.

Я снова взял паяльник. На этот раз держал жало дольше, чтобы припой наконец-то поддался, и шило подцепило ножку. Конденсатор чуть приподнялся. Я переключился на второй вывод, прогрел его — и деталь вышла из гнезда.

— Пошло дело, — облегченно выдал я.

Прогрев освобожденные дорожки я очистил их ватной палочкой, хорошо что они оказались на столе и не пришлось заставлять Колю отпрапляться на поиски в очередной раз, а после шилом прочистил отверстия. Так выпаял все три конденсатора. Оставалось лишь впаять рабочее из старой техники. Тут было проще, плату жалеть не надо — техника не рабочая. После выпайки с новым припоем я, прогревая нужные дорожки, вставлял рабочий конденсатор и фиксировал его. Припой ложился ровно, маленькими блестящими каплями.

Коля сидел рядом на табуретке. Боялся вздохнуть, вглядывался в каждое мое действие, обучаясь, а может получал удовольствие от наблюдения за работой других.

— Ты, Лёха, прямо как врач в операционной, — шепнул он. — Я и не знал, что ты такое умеешь.

— Раньше я пил много, — буркнул я в ответ.

Когда последний конденсатор был впаян, я собрал телевизор, прикрутил крышку и включил в розетку. Черный экран моргнул, а потом загорелся синим цветом с надписью «Нет сигнала».

— Есть! — Коля подпрыгнул с табурета, тот чуть не опрокинулся. — Мать твою, Лёха! Ты волшебник! С того света вытащил моего мертвеца!

— Работает, — подтвердил я. — Но это временно. Конденсаторы от времени дохнут, надо постоянно чистить внутренку, чтобы перегрева не было. А так — ещё годик протянет.

Коля полез в карман, достал мятую пятисотрублёвую купюру и положил на стол.

— Держи, как договаривались. И... это, Лёха. — Он замялся. — Ты про Иваныча серьёзно? Стоит оно того?

Я взял деньги, спрятал в карман. Первые честно заработанные в этом теле.

— Стоит, Коля. — Я посмотрел ему прямо в глаза. — Там не просто бумажки. Там доказательства того, что Самохин на браке миллионы делает. И если эти бумаги пропадут, наш цех будет собирать редукторы, которые в небе развалятся. Пилоты погибать будут. А нас потом как диверсантов на нары отправят или лес рубить...

Коля помрачнел и отвёл взгляд.

— Понимаю, — сказал он тихо. — Ладно. Иванычу скажу про тебя. Завтра вечером в шесть он на вахту заступит. Подходи к семи, как раз все разойдутся по домам. Если поможешь ему с его «Радиотехникой», то он и согласится. Но смотри, Лёха, не подведи, не хочу отношения с таким человеком из-за тебя портить.

— Договорились, — кивнул я.

Попрощались и я пошел домой.

Обратная дорога до моей общаги заняла минут двадцать. Ночной воздух стал прохладным, приятно снимал напряжение затянувшегося дня. Я шёл, сжимая в кармане брюк, пятьсот рублей, приятное завершение первого дня. По пути начал строить планы на завтрашний день. Уже начал представлять, как подхожу в семь часов вечера к Иванычу, быстро реанимирую его радиолу и нахожу самую дорогую вещь — папку.

С этими мыслями не заметил, как дошел до дома, хотел уже зайти в подъезд, но судьба снова вмешалась.

Взявшись за ручку двери, ко мне из темноты, из-за припаркованного у тротуара старого «Ижа», вышли двое. Один в кожаной куртке, невысокий, жилистый, сразу видно главарь небольшой стаи из двух особей. Второй покрупнее, оставался чуть позади, поигрывая ключами.

— Кузнецов, — сказал «кожаный» почти дружелюбно. — А мы тебя ждали.

Интересный поворот. Ночью меня встречают незнакомые мне люди. Да и молодой Лёха их видит в первый раз, так бы в памяти всплыли эти лица. А тут даже позыва к воспоминанию не было. Чего хотят они? Ограбить? Грабители не называют фамилии, да и не тянут время. Просто напали, избili и забрали. Пятьсот рублей, честно заработанные...

Разговор поговорить. Но почему в такое время?

— Бабки где? — продолжил он. — Три месяца твой долг висит. Шестидесят тысяч рублей кто отдавать будет?. Контора «Быстрые деньги» проценты не прощает.

— Мы понимаем, у тебя сейчас работа, задачи по сборке... Но нам твои проблемы не интересны. Долги надо отдавать. Через три дня придём за первой десяткой. Не будет денег — разговор будет другой. Деньги руками зарабатываешь, их не тронем. А вот ножки твои другое дело. Без них, руки двигаются. Понял?

— Понял, — ответил я. — Десять тысяч через три дня.

— Умница. — «Кожаный» хлопнул меня по плечу, развернулся и пошёл к машине. Мотор «Ижа» с трудом завелся. Они упаковались в него и красные огоньки медленно с ревом отдалялись от меня.

Короткий, емкий разговор. только появилась эйфория наслаждения от сегодняшнего дня, как какой-то тип в кожанке всё испортил. Десять тысяч за три дня найти. Чтобы отдать долг за того парня, этот парень сейчас я. В кармане пятьсот рублей. У меня есть план с папкой, есть надежда на Иваныча, что он поможет. Но это не решает финансовый вопрос.

Я поднялся в свою каморку. Сразу рухнул на диван, даже свет не включал. Вонь перегара всё ещё висела в воздухе, но мне уже было всё равно.

Завтра в семь вечера. Усилитель Иваныча. Если получится — я вытащу папку и смогу диктовать условия. Если нет — через три дня мне действительно сломают ноги, и тогда уже никто и ничто не поможет.

Глава 4

Наступил четверг. Первым делом отправился в душ. Контрастный душ сразу взбудрил тело и дух. Поход вечером к Иванычу без инструмента, требующихся для ремонта, мог позволить себе лишь дилетант.

Я собрался и отправился на барахолку, по пути остановился у шаурмы. Кушать хочется, бодрое тело нуждается в энергии и его надо кормить хотя бы чем-то.

Добравшись до заветного места, рядом с платформой «Заводская», я оценивал предлагаемый товар продавцами. Ассортимент поражал. Тут было всё. Кухонная утварь, радиоэлектроника, стройматериалы. Продавали всё, что было не нужно в хозяйстве, в надежде, что кому-то это надо и купит. У одного пожилого мужичка, реализующий старый радиохлам, я увидел знакомый серый корпус — мультиметр Ц4352. Корпус чуть потертый, но стрелка стояла ровно на нуле.

— Рабочий? — я присел перед дедом в выцветшей кепке.

— Обижаешь. С хранения брал. Зеркалка целая, магнит не севший. Измеряет, как после проверки.

Я проверил переключатель пределов — щелчки были четкими. Рядом в ящике среди хлама лежал компактный паяльник ПСН-40 с тонким жалом. Провод был в паре мест замотан синей изолентой, но само жало было чистым, не обгоревшим.

— Паяльник рабочий? — я взял инструмент в руку.

— Рабочий. Для повседневных нужд самое то.

— Щупов к «цешке» нет, — я указал на пустые гнезда прибора. — Заберу за триста паяльник, прибор и ты дашь еще горсть вон тех транзисторов.

Дед хотел возразить, что дешево, но не стал. Он давно не слышал, чтобы его мультиметр так называли. В его взгляде появилось уважение и на лице появилась улыбка.

— Забирай за триста. Вижу, понимаешь.

Прибор с паяльником пожилой замотал в тряпку, горсть деталей аккуратно упаковал в бумагу и я убрал всё в сумку. Минимальный набор для диагностики и ремонта есть.

Время близилось к часу дня. Пора идти на завод. Предстоял важный разговор с Петровичем. Завтра аванс будут давать, надо выпросить повышенный, чтобы отдать злополучные десять тысяч вчерашним гостям. Ноги нужны пока, для передвижения.

В цех я зашел за десять минут до начала смены. Быстро накинул белый халат и отправился в цех. На моем рабочем столе уже стояли алюминиевые лотки с заготовками — двадцать два корпуса кислородных вентилей высокого давления. Рядом укомплектованы и разложены мелкие детали для сборки.

— О, явился, — увидев меня, Вадик подошел ко мне с довольным лицом. — Давай, Кузнецов, включайся в работу. Сборка прибора простая: мажешь резьбу герметиком из банки и сажаешь штуцер. Сегодня должны быть все готовы.

Я открыл документацию. Прочитал. Взял корпус в руки и заглянул в резьбовой канал. После перевел взгляд на банку «универсального» герметика, которую Вадик заботливо поставил на край стола.

— Этим мазать не буду, — я отодвинул банку в сторону.

Вадик замер. Его лицо начало краснеть, а глаза прищуриваться.

— Ты что, опять начинаешь? — прошипел он. — Это штатный герметик! У меня в техкарте черным по белому написано!

— В техкарте написано «герметизировать соединение», — возразил я ему. — Эта дрянь со временем в чистом кислороде превратится в труху. Под давлением в сто атмосфер её выдует

в магистраль, она забьет дюзы других приборов, и пилот просто перестанет дышать. Хочешь под статью за диверсию? Валяй, собирай сам.

— Да ты... ты... — Вадик начал задыхаться от возмущения и перешел на крик: — Петрович! Петрович, идите сюда! Кузнецов саботаж устраивает!

В этот момент начальник прогуливался по цеху. Он шел размеренно оглядывая участок.

— Чего разорались? — бас Петровича мгновенно пригасил истерику Вадика.

— Он отказывается работать по регламенту! — Вадик ткнул пальцем в сторону вентиляй. — Говорит, герметик ему не нравится!

Я повернулся к начальнику.

— Состав нужен нормальный, Петрович. Свинцовый глёт на глицерине. Только он дает монолитную пробку, которая не боится вибраций и кислорода. На «Металлурге» всегда так собирали изделия первой категории, пока кто-то не решил сэкономить и не переписал техпроцесс на эту бытовую замазку.

Петрович посмотрел на лотки с деталями, потом на меня. Сомнения в правильности сборки появились у него сами собой. Он знал, что я прав, но план был на грани срыва.

— Глёта в цеху нет, — сказал он. — Его компоненты в лаборатории брать надо.

— Выпиши мне пропуск и я схожу за ним в эту лабораторию, — я сделал шаг к нему. — Принесу сюда, сам замешаю прямо перед сборкой, чтобы состав не застыл раньше времени. До конца смены всю партию посажу. До завтра он просохнет, а завтра проверю и сдадим. Зато это будет качественное изделие, а не мусор.

Петрович почесал затылок, глядя на Вадика.

— Ладно. Иди в кабинет, выпишу пропуск. Вадик, не бубни, Кузнецов дело говорит.

Мы зашли в кабинет Петровича. Как только он заполнил бланк пропуска и поставил свою подпись, я поднял свой насущный, денежный вопрос.

— Есть еще вопрос, Петрович. Личный. Кредиторы прижали. Завтра вечером им десятку надо отдать, иначе ноги переломают. Мне аванс нужен. Десять тысяч. Выручай.

Петрович долго молчал. Риск сорвать отгрузку пугал его сильнее, чем выписанный повышенный аванс рабочему.

— Десятку, значит... — он вздохнул и потянулся к другому бланку. — Выпишу. Но смотри, Лёха, завтра, если Зинаида Петровна примет партию без единого свиста — пойдешь в кассу. Если хоть один зашипит — сам тебя коллекторам сдам. Усёк?

— Усёк. Не зашипит.

Проблему с деньгами решил. Осталось найти и забрать папку с документа, а значит в перерыве на ужин пойду к Иванычу ремонтировать его радиолу, но перед этим надо зайти в лабораторию за компонентами.

Обеденный перерыв начался в 18:30. Из цеха народ повалил в столовую, комнату отдыха. Время ужинать. Время действовать. Я зашел в раздевалку. Достал из своего шкафчика пакет с инструментами и направился напрямиком в «Белый дом».

Путь к административному зданию лежал через центральную аллею. Солнышко уже медленно начало скрываться за здания завода, которые отбрасывали тень на аллею. Подгоняющий прохладный ветер, дующий в спину, придавал сил.

На вахте административного корпуса было тихо. Основной работающий коллектив и менеджеры производства свалили домой. За стеклом постовой комнатухи сидел Иваныч. Не обращая на меня внимания продолжал читать газету «Необычная Правда Жизни». Интересный выбор старого вахтера из огромного ассортимента желтой прессы он выбрал именно ее. Попадалась она мне на глаза. Однажды продавщица в журнальном ларьке яростно мне ее рекламировала. Видите ли там про необъяснимые явления, экстрасенсорные таланты людей рассказывают, а еще и НЛЮ. Не зря говорят, у каждого товара есть свой покупатель.

Я подошел к стеклу и приложил пропуск. Иваныч отвлекся от занимательной желтой прессы и нажал на кнопку турникета.

— Проходи, Алексей. Ты ко мне или по делам?

— И к тебе и по делам. Надо в лабораторию зайти, компоненты для глета взять, да, Колян говорил, тебе помощь с ремонтом нужна. Давай показывай.

Иваныч открыл дверь каптерки и запустил меня. Тесное помещение с тремя большими мониторами. В углу на тумбочке стоял аппарат — «Радиотехника-001». Корпус из полированного дерева, массивные алюминиевые ручки и два стрелочных индикатора, показывающие стрелкой ноль.

— Вот моя боль. Любимица моя стала плохо петь. Тебе, наверное, Коля, уже рассказал, — грустно сказал Иваныч.

Я поставил сумку на край стола, достал паяльник и воткнул в розетку под столом.

— Иваныч, слушай, а у тебя случаем мультиметра тут нет? Щупы забыл взять с собой — обратился я к Иванычу, пока доставал «цешку» из пакета.

— Сейчас гляну. Тут много всякого барахла.

Иваныч начал рыться в ящиках под столом. В одном из них он достал катушку проводов. В общей куче были видны красный и черный щуп. Пока паяльник приходил в рабочую температуру, я быстро размотал и вытащил нужные мне два щупа и присоединил их к своему Ц4352.

Приступил к диагностике поломки. Вскрыл корпус. Массивная крышка из настоящего дерева весила прилично, не то что нынешний пластик — пальцем ткнул и дырка. Развернул платой к себе. Дальше щупами начал косаться контактов большого «бочонка» конденсатора. Стрелка «цешки» лениво поползла вверх и замерла на половине пути.

— Понятно. Один кондер, емкость потерял. Из-за него у тебя и гул в колонках. И вон контакт отвалился на правом выходе. Поэтому колонка правая не работала.

— В лабу, значит... — Иваныч задумчиво потер подбородок. — Дел у тебя на полвечера. Слушай, а чего ты про вчерашнее у Коляна расспрашивал? Мне он передал, что ты про бумаги интересовался, которые в коридоре рассыпал Старший, когда упал. Тебе-то, сборщику, какая печаль до этих папок?

Я аккуратно выпаивал сдохший конденсатор, стараясь не перегреть дорожки на старой плате.

— Печаль, Иваныч. Вадик, прикрываясь новыми техпроцессами. — я махнул рукой, — заставляет брак собирать. А Кузнецов, наш старший технолог, должен был документы получить с центральной лаборатории, чтобы лавочку эту прикрыть. Если эти бумаги пропадут, мы в цеху так и будем мусор собирать. Пока каждого военная прокуратура лес валить не отправит. Вот и подумал — может, в приемной у Лидочки они лежат? Хотел зайти, спросить.

Иваныч задумался, вспоминая вчерашний день.

— Да Лидочка вчера полдня на валерьянке сидела, ей не до папок было. А Самохин, как узнал, что Кузнецов концы отдал, пулей прибежал. Весь дерганный, нервный был.

— А бумаги? — я поднял голову. — Кто-то же их должен был подобрать?

— И подобрали, — Иваныч чуть понизил голос. — Марк Борисович, метролог наш главный, как раз из лабы на первый этаж спускался, когда суета началась. Он мужик дотошный. Увидел этот ералаш в коридоре, сам всё до листика собрал, пока их ногами не растоптали. Сказал — акты государственные, нельзя им тут валяться. К себе в кабинет унес. Сказал, завтра разберется, кому их передать.

Я спокойно выдохнул. Папка моя нашлась и находится у ответственного идейного человека. Просто так он ее Самохину не даст, но и ходу не даст.

— Надо к Марку Борисовичу попасть, — я вернулся к плате, впаявая новый конденсатор. — Сегодня он уже ушел.

— Это точно. Марк Борисович — ответственный. Сегодня он уже домой ушел. Ты не переживай. Ты мне мою радиолу любимую почини, а я тебе подскажу. Завтра до обеда он у себя в кабинете будет — почти разбирать перед тем, как отчеты в спецчасть нести. Самое время его ловить.

Я прижал жало к контакту, подавая припой. Чистая, блестящая капля зафиксировала ножку.

— До обеда... Ладно, Иваныч. Сейчас с конденсаторами закончу и правый канал оживлю. Будет петь.

Ремонт «Радиотехники» занял еще минут пятнадцать. Когда стрелки индикаторов наконец ожили и мягко затрепетали в такт чистому звуку из динамика, Иваныч выдохнул, услышав приятную трель мелодичной музыки из динамиков.

— Ну, Лёха... ну, мастер. Душа поет.

— Слушай музыку, Иваныч, — я выключил паяльник и начал собирать инструмент в сумку. — Мне пора. Пока лаборанты не разбежались, надо компоненты взять.

Я отсоединил щупы от своего мультиметра и сунул Ивану.

— Спасибо Иваныч, — поблагодарил я его.

— Оставь себе. Они тебе нужнее, нежели у меня они тут будут лежать в мотке непонятных проводов. всё равно хотел выбросить всё разом, да руки не доходили. Вот и пригодились.

Охранник благодарно кивнул и открыл мне дверь каптерки. Я вышел в вестибюль, чувствуя, как за спиной из динамиков усилителя начинает литься бархатный голос Высоцкого — у Иваныча есть музыкальный вкус.

Лаборатория находилась в самом конце правого крыла. За дверью с табличкой «Лаборатория» встретила меня немолодая женщина в белом халате со следами реактивов на рукавах.

— Чего тебе? — спросила она, не отрываясь от толстого журнала.

— От Петровича я, из четвертого. Компоненты для глётта нужны, приборы собирать, — я положил на стол подписанную заявку.

Она бегло глянула в бумагу, что-то проворчала про вечную спешку и ушла вглубь хранилища. Через пять минут на столе стояли две баночки: в одной — тяжелый сероватый порошок оксида свинца, в другой — густой, прозрачный глицерин.

— Держи. Смешивать только перед работой. Вот тут распишись и укажи на какой прибор взял.

— Знаю, — я аккуратно убрал баночки в глубокие карманы халата. — Спасибо.

Она мне подсунула журнал. Я заполнил графы и поставил подпись.

Я вышел в коридор и направился к лифтам, чтобы срезать путь к переходу в свой цех. Двери лифта бесшумно разошлись, и из кабины вышел человек, которого я сразу узнал.

Самохин.

Выглядел он паршиво: глаза красные, лицо помятое, бледное, узел галстука съехал набок. Он шел, глядя прямо перед собой, и едва не задел меня плечом. Я вовремя уклонился, прижавшись к стене.

Самохин остановился, развернулся и на мгновение задержал на мне взгляд. Увидеть рабочего в такое время тут для него показалось странным.

— Ты из какого цеха? — хрипло спросил он, морщась, будто зуб болит. — Что ты тут бродишь в такое время?

— Из четвертого, — ответил я максимально спокойным голосом. — По распоряжению начальника цеха получал компоненты в лаборатории.

— Иди работай, — бросил он и зашагал в сторону лестницы.

Я проводил его взглядом. Что он этим хотел сказать я так и не понял. Самохин пошел дальше в свой кабинет.

Я вышел из «Белого дома» и быстрым шагом направился в свой корпус. Впереди было три часа напряженной работы. Надо успеть все штуцера на глет поставить.

Вернувшись на участок, я застал Вадика в самом скверном расположении духа. Он сидел на стуле, закинув ногу на ногу, и демонстративно чистил ногти какой-то железкой. При моем появлении он даже не повернул головы, только бросил нерадостный взгляд.

— О, явился спаситель производства. Ну что, принес свою чудо-мазь? Или лаборанты тебя сразу за порог выставили?

Я проигнорировал его, не тратя слов. Я достал из кармана халата две заветные баночки и приступил к сборке.

Процесс приготовления глэта суется не любит. Я взял баночку с порошком желтовато-серого порошка и по капле начал добавлять глицерин, перемешивая его чистой деревянной палочкой.

— Чего ты там колдуешь? — Вадик всё же не выдержал и подошел ближе, заглядывая через плечо. — На сметану похоже. И что, эта каша будет держать сто атмосфер?

— Эта «каша» превратится в монолит через тридцать минут, — ответил я, энергично размешивая палочкой. — А через сутки её можно будет вырвать только вместе с резьбой. Иди лучше, Вадик, покури. Не мешай мне.

Когда состав достиг нужной консистенции — вязкой, однородной, без единого комочка — я приступил к сборке.

Работа шла в ровном темпе. Я брал штуцер, аккуратно наносил тонкий слой глэта на резьбу и вворачивал его в корпус. Затем — контрольная затяжка динамометрическим ключом. Металл шел плавно, состав равномерно распределялся по виткам, выдавливаясь аккуратным слоем, который я тут же снимал чистой ветошью.

Время работало против меня. Глёт в баночке уже начинал «схватываться», становясь всё гуще. Один вентиль, второй, пятый...

— Слушай, Кузнецов, — голос Вадика за спиной стал заметно тише. — А если завтра ОТК всё же забракует? Тебе-то что, ты вон, «алкаш», с тебя взятки гладки. А мне по шапке прилетит как старшему на участке.

Я отложил двенадцатый корпус и посмотрел на него.

— Не забракует. Потому что это сделано по технологии, а не на авось. Лучше проверь, чтобы лотки никто не задел, пока сохнуть будут.

За час до конца смены вся партия была готова. Двадцать два корпуса стояли в лотках. Глёт в соединениях уже начал каменеть, превращаясь в надежный заслон для кислорода.

Я тщательно вымыл руки, снял халат и аккуратно повесил его в шкафчик. Выходя из цеха я чувствовал легкую усталость в мышцах.

На проходной меня уже ждали. Тот самый «Иж» коллекторов стоял напротив проходной. Стекло опустилось, на меня уставились глаза вчерашнего ночного собеседника.

— Ну что, Лёха? Деньги к завтрашнему вечеру будут?

— Будут, — коротко ответил я. — Завтра после смены.

Я направился к себе домой, не оборачиваясь. Завтра до обеда надо попасть к Марку Борисовичу.

Дорога до общаги пролетела как в тумане. Организм, выжатый досуха за смену, требовал только одного — принять горизонтальное положение в кровати. Я поднялся на свой этаж, стараясь не смотреть на соседские двери, за которыми слышен звон стаканов и доносился мат.

Зашел домой. Сел на край кровати, выложил на стол сумку с «цешкой» и паяльником. В лунном свете, падавшем из окна, прибор выглядел как настоящий боевой артефакт.

«Десять тысяч завтра...» — пробежала мысль в моей голове. — «И папка. Если Марк Борисович её не отдаст или не даст ходу документам то всё, что я делал последние месяцы — пустая суета».

Я достал из заначки сухарь, пожевал его, запивая пустой водой. Удивительно, но азарт поиска и правильной сборки, который я почувствовал сегодня в цеху, заглушил даже тягу к бутылке.

Я разложил на столе чистый лист бумаги и огрызком карандаша начал набрасывать схему завтрашнего разговора. Марк Борисович — человек системы. Его не возьмешь на испуг и не купишь за деньги. Его можно взять только на профессионализм и на то, что эти бумаги в руках Самохина станут приговором для завода.

— Ты не алкаш, Кузнецов, — прошептал я в пустоту комнаты. — Ты тот, кто знает, как должен работать этот механизм. И ты его починишь.

Я лег на кровать прямо в одежде, накрывшись старым пальто. Сон пришел мгновенно. Но через пару часов меня пробудили.

В дверь громко колотили, так что штукатурка посыпалась с косяка. Я встал.

— Спишь, мастер? — голос за дверью, пассажира «Ижа», я узнал сразу. — Мы тут мимо проезжали, решили заскочить. Еще раз напомнить.

Я подошел, дверь открывать не стал.

— Время видел? Час ночи.

— А мне плевать, Лёха, — Громко рявкнул за дверью голос. — Считай это последним китайским предупреждением. Завтра после смены мы будем ждать тебя у проходной. Если выйдешь без десятки — считай, что выходных у тебя не будет. Мы все субботу и воскресенье посвятим твоему здоровью. По частям будем вычитать долг. Ты парень рукастый, инструмент ценишь... Вот и подумай, как ты в понедельник работать пойдешь, если ноженьки твои ходить не смогут.

За дверью послышался смешок и удаляющиеся шаги. Громко закрылась входная дверь в подъезд.

Я сел на пол, облокотившись к стенке. Пальцы начали дрожать от появившейся ярости. У меня было ровно восемь рабочих часов, чтобы убедить Марка и — главное — кассу выдать мне наличку. Если я не успею до конца смены — из общаги в понедельник я уже не выйду.

Счётчик тикал. Теперь он отсчитывал не только деньги, но и мою возможность когда-либо ходить.

Глава 5

Июльское солнце в Энске-4 к полудню разогревало поверхность города до предельных температур. Асфальт под ногами начинал плавиться и плыть, горячий воздух исходящий от зданий и дорог, искривлял картинку. Далекая панорама завода «Металлург» превращался в плывущий мираж. Ночной визит незваных гостей не остался бесследным. Они в очередной раз напомнили о себе и о долге, который я должен отдать им сегодня вечером.

Я шёл к проходной, прятался в тени тополей, где мог. Справа стояли оранжевые дома. ЖК «Мечта рабочего». В этом году их строили быстро, как грибы после дождя. Квартиры маленькие, двенадцать метров. Кровать впрыток к плите. Дверь с биометрией — если по кредиту не платишь, можешь остаться на улице, даже если квартира твоя. Система умного дома следит за долгами.

Около одного из подъезда мужик палец к сенсору приложил. Красный мигнул, система думала, потом зелёный. Видимо, проблемы с платежами, но пока пускают.

На одной из стен новостроек светила реклама: «Стабильность. Работа. Оборонный заказ». Я смотрел на это и думал про свою общагу. Старый кирпичный дом, трубы текут, соседи алкаши. Но стены толстые, прохладу держат. А эти панельки солнце прожигает насквозь. Летом там как в духовке, если кондиционера нет.

На остановке стоял ПАЗик. На крыше установлены газовые баллоны. Малейшая искра и всё в радиусе несколько десятков метров разнесет в щепки. Техника безопасности зашкаливала. На одной из лавочек, та что в тени находилась, уютно устроилась парочка полицейских. Один неспеша слизывал тающие капельки молока с мороженого. Другой лениво посматривал на экран планшета, который сканировал проходящих мимо людей. Они выплепляли должников и нарушителей режима. Я отвел взгляд от них. Мне вполне хватает проблем с коллекторами и разбираться с ментами в данный момент у меня желания никакого не было.

Проходную я быстро прошел. Косой приветливый взгляд вахтерши, не встретил от меня никакой реакции. Направился сразу в административный корпус. В вестибюле «Белого дома» было прохладно. Кондиционеры работали на полную, создавая прохладный воздух, как в морозильной камере. Приятное ощущение прохлады, после изнурительной жары, что была на улице. Я сбавил шаг наслаждаясь этим моментом.

Иваныч на вахте выглядел бодрым, довольным. Он не спеша перелистывал свою желтую прессу и наслаждался мелодичным пением радиолы. Стоило мне приблизиться к турникету, как он отложил чтиво и поправил портупею. Уважительный взгляд старого охранника скользнул по мне и лишних вопросов задать не стал.

— Здорово, мастер, — он понизил голос, кивнув на сетку мониторов, где в режиме реального времени отображались пустые коридоры административного корпуса. — Усилитель твой поет так, что за уши не оттащишь. Даже не фонит, чертяка.

— Рад, что угодил, Иваныч, — я прислонился к стойке. — Марк Борисович у себя?

Охранник посмотрел на один из верхних мониторов, транслировавший вид на дверь третьего этажа.

— Один он. Лаборантов еще в обед разогнал, отправил на склад инвентаризацию проводить. С утра тут в вестибюле так матерился, что люстры дрожали — китайский вольтметр у него поверку не проходит, скачут цифры, хоть ты тресни. По камерам наблюдал — к нему за последний час ни одна душа не зашла.

Иваныч перевел взгляд на меня.

— Заходи, Кузнецов. Сейчас он в таком настроении, что любого заживо съест, если под руку подвернется. Будь осторожен — он сегодня злой, как собака.

— Понял. Постараюсь не попасть под раздачу

— Дуй давай, — Иваныч щелкнул тумблером, и турникет мягко провернулся, пропуская меня в святая святых заводского управления.

Я направился к лестнице, чувствуя на спине взгляд Иваныча. Я знал: сейчас я иду ва-банк. Либо я выйду отсюда с союзником, либо этот коридор станет для меня началом конца.

Я поднялся на третий этаж. Табличка «Главный метролог. Иванов М. Б.» тускло поблескивала в свете потолочных ламп. Я постучал и, не дожидаясь приглашения, толкнул тяжелую дверь.

Марк Борисович, крепкий мужик с короткой стрижкой, который привык доверять только цифрам, буквально нависал над лабораторным столом. Перед ним стоял прецизионный вольтметр — новенький китаец в ярко-оранжевом корпусе. На табло лихорадочно прыгали знаки: семь, два, ноль, пять... цифры не замирали ни на секунду.

— Да входите уже, чёрт бы вас побрал! — гаркнул метролог, даже не оборачиваясь. — Кто там ещё? Если от Самохина за графиками — скажи ему, пусть сам в эту чехарду пялится! Я прибор не аттестую, пока он на три знака «плывёт»!

— Марк Борисович, вы его не откалибруете, пока кондиционер в сеть включен, — спокойно сказал я, останавливаясь в паре шагов от стола.

Иванов медленно, как в замедленной съемке, выпрямил спину и развернулся. Его раздраженный взгляд прошил меня насквозь.

— Кузнецов? Ты что тут забыл? — он окинул меня взглядом. — Тебе что, Петрович налил лишнего, что ты берега попутал? Проваливай на участок, мне не до твоих бредней.

— У этой модели фильтр гармоник в сеть гонит, — я проигнорировал его слова и указал на кондиционер над окном. — Китаец их и ловит, у него АЦП слишком быстрый для вашей сети. А у вас ещё и щупы обычные, без экранировки. Выключите охлаждение на минуту — сами увидите.

Метролог замер. В его глазах мелькнуло что-то похожее на искру интереса, смешанную с глубочайшим сомнением. Он снова посмотрел на прыгающие цифры, потом на меня. В его мире сборщики из цеха не знали слов «гармоники» и «АЦП».

— Ну, допустим, — потянувшись за пультом, сказал он.

Раздался короткий писк, и кондиционер затих. Табло вольтметра качнулось в последний раз, и цифры встали как вкопанные. Идеально ровный ноль, а затем — чёткий замер опорного напряжения.

Метролог медленно снял очки и потер переносицу. Он перевел взгляд на меня. Его удивлению не было предела. Не ожидал он от меня, что я могу ему помочь в этом деле, да еще и таким простым способом.

— Кузнецов про эти наводки всегда предупреждал... — негромко произнес он, будто обращаясь к самому себе. — Говорил, что метрология — это не про железки, а про чистоту процесса. Но ты-то откуда это выкопал, Лёха? Ты же за последние два года ничего сложнее стакана в руках не держал.

— Память хорошая, Марк Борисович, — я подошел вплотную к столу, чувствуя, что первый барьер взят. — Я к вам по делу, которое гораздо серьезнее битого прибора.

Иванов молча отодвинул вольтметр в сторону, освобождая пространство между нами и уставился на меня. С выключенным кондиционером в комнате становилось жарче с каждой минутой.

— Говори, раз пришёл, — произнес он. — Только без загадок. Что за дело?

— Папка у вас, Марк Борисович? — я не стал ходить вокруг да около. — С сводными актами за прошлый месяц.

Метролог мгновенно изменился в лице. Он посмотрел на сейф, стоящий в углу под портретом министра, а затем снова на меня.

— Какая ещё папка? — голос его стал сухим и официальным. — Кузнецов, ты что, перегрелся на солнце? Все документы в архиве или у руководства.

— Не надо, Марк Борисович, — я покачал головой. — Мы оба знаем, что в архиве лежат «причёсанные» копии. А оригиналы, по которым Самохин должен был остановить производство ещё месяц назад, — у вас. Там бумаги, за которые он сейчас готов шею подставить. В том числе и Акт 198 от 12 июля. Помните такой? По анализу литья пятисотой серии.

Иванов явно не ожидал, что я назову номер акта.

— Ваша подпись там стоит, — продолжал я. — И ваш вывод: «Материал не пригоден». Самохин этот документ похоронил, а заготовки из этой партии уже на складе комплектации лежат. Их сегодня к вечеру до комплектуют, а в понедельник они пойдут в сборку. Петровича попрошу, чтобы он мне их дал собирать. Вы же понимаете: если я их соберу — это будет мина замедленного действия.

Марк Борисович обошел стол и сел в кресло. Давно я не наблюдал, как за минуту человек три раза менял свое эмоциональное состояние. Сейчас он сидел и прокручивал у себя в голове возможные варианты.

— Ну, допустим... лежит она у меня, — признал он, глядя куда-то в сторону. — И что с того? Я её придерживаю, чтобы в ненужные руки не попала, пока я решение не найду. Но ты-то, пешка цеховая, что с этим делать собрался? К Директору пойдёшь? Да он тебя охранникам сдаст раньше, чем ты рот откроешь. Самохин там свой человек, а ты — просто фамилия в списке на увольнение.

— Посмотрите на поля последней страницы этого акта, Марк Борисович, — я сделал шаг вперёд, нависая над столом. — Там семь цифр карандашом в графе примечаний. Кузнецов их оставил перед тем, как его «сердце прихватило».

Иванов нахмурился, он вспоминал эти цифры на полях.

— Семь знаков... Я видел их. Думал — код какой или номер наряда. Не бьётся ни с чем.

— А вы пробейте это как номер накладной на ввоз металла на завод, — ответил я. — Самохин закупает «левак» по цене стратегического сплава, а разницу в карман кладет. Эти семь цифр — его приговор. Это хищение, Марк Борисович.

Иванов замер, осознавая масштаб.

— И что ты предлагаешь? — прошептал он. — Сдать его СБ? Да они в доле могут быть!

— Нет. Мы сделаем всё официально. Я соберу редукторы. ОТК их примет — Зинаида Петровна лишь параметры проверяет в норме ли они. Когда военпред начнет принимать партию, на испытаниях им устроят «печку» и заморозку, корпуса из этого литья треснут. Срыв гособоронзаказа — это остановка всего, это комиссия с участием всех начальников и прокуратуры.

Я набрал воздуха и выдал финал плана:

— Самохин прибежит в цех и начнет орать, что сборщик — криворукий алкаш, который запорол партию. И вот тогда на этой комиссии, при военпреде, вы достанете папку. И предъявите этот акт вместе с номером накладной. Против официального заключения метролога и претензии военного ведомства Самохин не выстоит. Либо мы сейчас эту гниль вскроем, либо вы пойдете соучастником, когда завод всё это всплывать начнет.

Старший метролог долго молчал. Он задумался, взвешивая все риски. Глазами уставился на сейф. В кабинете становилось душно, но в этот момент ему было далеко не до этого.

— Рисковый ты мужик, Кузнецов... — наконец с уважением произнес он. — И план твой — на грани фола. Но другого шанса очистить этот гадюшник у нас не будет. Ладно. Папка остаётся в сейфе. Я её «прикрою» своими протоколами. Сдавай партию, Алексей. А на комиссии я тебя не брошу. Считаю, договорились.

Направился в нашу раздевалку и в 14:30 я зашел в цех. Первым делом — проверка освещения. Вентили лежали в лотке в строгом порядке. Для меня это были уже не просто железки, а гарантия моей безопасности.

Следующий час прошел в монотонной, сосредоточенной работе. Я брал каждый вентиль, закидывал внутренности и протягивал каждую крышку динамометрическим ключом. Дальше была проверка. Каждый прибор устанавливал на стенд и подключал магистраль высокого давления. Сначала проверка механики: маховичок должен идти плавно, без рывков, до полного упора. Затем — герметичность.

Я подавал давление на вход, перекрывал клапан и внимательно следил за манометром. Стрелка должна стоять мертво. Затем — проверка штуцеров. Я наносил мыльный раствор на соединения: ни одного пузырька, ни малейшего шипения. Каждый узел я «вылизывал» взглядом. Только когда последний прибор подтвердил идеальные параметры, я облегченно выдохнул. Весь процесс занял ровно час.

Еще раз просмотрел каждый вентиль, убедившись, что партия безупречная, я взял документы и пошел в кабинет к Петровичу.

Начальник цеха сидел за заваленным бумагами столом, нервно постукивая карандашом по калькулятору. Увидев меня, он повернул голову.

— Ну что там у тебя, Кузнецов? Время поджигает, скоро Петровна из ОТК придет.

— Всё в норме, Петрович. Проверил каждый. Клапана держат, штуцера не текут. Можешь предъявлять, я за результат отвечаю головой.

Петрович облегченно откинулся на спинку стула.

— Ну, слава богу... Хоть одна хорошая новость за день.

— Раз новость хорошая, давай выполняй уговор, — я не уходил, глядя ему прямо в глаза. — Десять тысяч. Авансом. Мне они нужны сегодня до закрытия кассы. Ты обещал, Петрович.

— Обещал — сделаю. Ты сегодня за троих отпахал, да и партию «мертвую» вытянул.

Он быстро заполнил распоряжение на выплату повышенного аванса за «особо важный объем работ» и размашисто расписался.

— На, держи. Дуй в кассу. Сегодня пятница, через полчаса окошко захлопнут. И не дай бог я тебя в понедельник увижу с перегаром — сам лично в отдел кадров отведу.

— Не увидишь, — ответил я, забирая листок.

Через пятнадцать минут я уже стоял в очереди в кассу. Когда пачка пятисоток наконец оказалась в моем кармане, я почувствовал, облегчение. Мои ножки мне ломать в эти выходные не станет. Счётчик на сегодня был остановлен.

В одиннадцать вечера цех начал стихать. Рабочие, один за другим начали выключать освещение над столами, ориентируясь по настенным часам. Я тоже щелкнул тумблером, погружая свое рабочее место в полумрак. Сложил личный набор отверток и ключей в ящик стола, запер его на ключ и прибрал ветошь.

Переодевание в раздевалке прошло в молчании. Мужики со смены были уставшими и спешили на дежурные автобусы. Я взял пакет и отправился на проходную.

Ночной Энске-4 был прекрасен. Тусклые фонари у ворот едва пробивали марево, выхватывая из темноты серые лица рабочих. Я не спеша пошел к остановке, но, не доходя до нее, свернул к старой акации. Там стоял «Иж». Габариты были погашены, но в салоне едва заметно светился экран мобильного. Я подошел к пассажирской двери и постучал по стеклу.

Пассажир опустил стекло, выпустив наружу облако густого табачного дыма.

— А я уж думал, ты через забор решил уйти, — прохрипел он, щурясь от света фонаря. — Время — деньги, Кузнецов. Ты в курсе?

Я не стал ничего отвечать. Сунул руку в карман и достал, стянутую банковской резинкой, пачку пятисоток. Бросил ее на колени коллектору.

— Здесь всё. Ровно десять. Пересчитывай.

Коллектор замер. Он взял пачку, включил свет и начал быстро перебирать купюры. Его подручный на пассажирском сиденье даже перестал жевать жвачку, с удивлением смотря на деньги — видимо, они уже мысленно списали этот долг в категорию «выбивать силой».

— Опа... — Костян хмыкнул, пряча пачку в бардачок. — А ты, оказывается, не только в схемах соображаешь. Резвый. В расчете, Кузнецов. Счётчик на сегодня закрыт.

Мотор «Ижа» с большим трудом завелся, загремел и автомобиль недовольно заурчал, вибрируя всем корпусом. Он высунулся из окна и добавил:

— Но не расслабляйся. Полтинник за тобой еще висит. Десятка — это так, на семечки, чтобы мы в выходные в твою сторону не смотрели. Через неделю жду столько же. И не дай бог тебе снова начать играть в прятки. Имей в виду: за тебя сегодня серьезные люди спрашивали. Так что ты там аккуратнее давай. Про долг не забывай.

Машина сорвалась с места, обдав меня порцией вонючего выхлопа. Я остался стоять на пустой дороге, провожая взглядом красные огни стоп-сигналов. Пятьдесят тысяч. Огромная сумма, но теперь у меня был план.

Я уже развернулся, чтобы идти к автобусу, как из темноты заводской стоянки медленно, без фар, выкатился черный «Патриот». Он притормозил в паре метров от меня, и только тогда вспыхнули диоды фар, на секунду ослепив меня.

Тонированное стекло опустилось на несколько сантиметров. Я чувствовал как на меня кто-то смотрит. Он видел как я рассчитываюсь с коллекторами. Теперь у него не осталось сомнений — его «таракан» не просто выжил, а ведет свою игру.

«Патриот» сорвался с места, обдав меня вихрем теплого воздуха. Долг частично закрыт. Но впереди были выходные, а за ними — понедельник и комиссия. И там ставки будут стоить гораздо дороже десяти тысяч.

Глава 6

Субботнее утро началось с тишины и яркого солнечного луча, пробившегося сквозь засаленную штору. Я открыл глаза и несколько секунд просто лежал, слушая, как ровно и мощно работает молодое сердце Кузнецова. Похмелья не было, но была какая-то звенящая, пустая слабость во всем теле — организм, привыкший к спиртовому топливу, теперь требовал нормальных калорий.

Я сел на диване и оглядел свое пристанище. Вчерашний азарт инженера, проснувшийся в цеху, теперь требовал порядка и здесь. Нельзя настраиваться на ювелирную сборку пятисотой серии, сидя посреди свалки.

— Начнем дезинфекцию, — прохрипел я.

Уборка превратилась в технологический процесс. Сначала я методично выгреб из углов «кладбище» пустых бутылок с этикетками «Старый лекарь» и горы окурков, скопившиеся на столе среди грязных кружек. Все это отправилось в мусоропровод. Затем я содрал засаленные шторы — в комнату хлынул свет, обнажая слои пыли и жирного налета.

Я нашел в кладовке старое ведро, обрывок ветоши и начал вычищать стол. Скреб долго, пока обшарпанная поверхность не перестала липнуть к рукам. Это была «инженерная гигиена»: порядок на рабочем месте — порядок в голове. Даже мутное, засиженное мухами зеркало в прихожей сдалось под напором мокрой тряпки. Теперь из него на меня смотрел мужик с жестким взглядом, который больше не напоминал побитую собаку.

Закончив, я сел за чистый стол и выложил на него все свои активы. Две сотенные купюры — остаток от пяти сотен дяди Коли после покупки «цешки» и паяльника на барахолке. Семьсот рублей премии от Петровича пока существовали только в виде размашистой подписи в ведомости, до кассы они дойдут не раньше понедельника.

Двести рублей.

Я прикрыл глаза, прикидывая цены. Хлеб, пачка самых дешевых макарон, может, кусок маргарина. До понедельника протянуть можно, но к началу смены я буду похож на привидение. А мне нужны твердые руки. Пятисотая серия ошибок не прощает, там момент затяжки нужно чувствовать кончиками пальцев.

В животе снова тоскливо заныло. Организм молодого Кузнецова явно намекал, что на одном инженерном энтузиазме далеко не уедешь.

Телефон, лежавший на краю стола рядом с мультиметром Ц4352, ожил, завибрировав всем корпусом. На экране высветилось: «Петрович».

— Слушаю, — я нажал кнопку приема.

— Не спишь, мастер? — в трубке раздался знакомый тяжелый бас начальника цеха. — Слушай, Кузнецов, я тут мясо замариновал, баню собираюсь затопить на даче. Собирайся, заеду за тобой через час на своем «старичке». Есть разговор... не телефонный. Перетрем кое-что по понедельнику.

Я посмотрел на свои две купюры, на чистый стол и на пустую кастрюлю на плите.

— Буду готов, Петрович. Жду.

Ровно через час под окнами надсадно чихнул и затарахтел мотор. Я выглянул во двор: приземистый, выцветший до цвета сухой глины «Москвич» Петровича замер у самого подъезда. Машина была ровесницей завода, но по звуку двигателя чувствовалось — за ней следят лучше, чем за иными новыми.

Я накинул олимпийку, еще раз проверил запертую дверь и спустился вниз. Стоило мне открыть дверцу, как в нос ударил густой, родной запах: смесь бензина, старого козлама и табака «Прима». Петрович, в своей неизменной кепке, обеими руками держался за руль, будто усмирял строптивого жеребца.

— Опа... — он окинул меня взглядом снизу вверх. — Кузнецов, ты ли это? Рубашка чистая, морда... хм, лица — трезвая. Ты чего, в свидетели Иеговы записался или реально решил человеком стать?.

— Решил, что так выгоднее, Петрович, — я сел на переднее сиденье, которое жалобно скрипнуло пружинами. — Поехали.

Машина дернулась и медленно покатила прочь из рабочего гетто. Город за окном плавился в субботнем зное, но в открытые форточки врвался хоть какой-то ветер. Мы миновали промзону, оставив позади серые заборы «Металлурга», и вырулили на трассу в сторону дачного массива.

Петрович долго молчал, сосредоточенно объезжая выбоины. Наконец, когда за окном потянулись сосны, он заговорил, не поворачивая головы:

— Видел я вчера у ворот твой расчет с Костяном. Понял теперь, зачем ты мне нож к горлу приставлял с этой десяткой. Но ты вот что скажи: отдал всё, что в кассе получил?

— Всё до копейки, Петрович. Даже резинку банковскую ему оставил. Только это не финал. Там еще полтинник висит, так что мне расслабляться некогда.

Начальник цеха тяжело вздохнул и крепче сжал руль.

— Пятьдесят... Мать честная. На одних «особо важных работах» ты столько за неделю не поднимешь.

Я смотрел на пролетающие мимо пыльные тополя, прокручивая в голове вчерашний финал смены.

— Слушай, Петрович, — я повернулся к нему. — Вчера, как Костян уехал, к остановке черный «Патриот» подкатил. Наглухо тонированный. Постоял пару минут, будто сканировал меня, и сорвался. Что за танк? Кто на нем катается?

Петрович заметно напрягся.

— «Патриот», говоришь? С тонировкой? — начальник цеха тяжело вздохнул и покосился в зеркало заднего вида. — Это Самохин и есть. Личная его «колесница». Он на ней по заводу как тень бродит.

— Главный технолог на таком броневице? — я приподнял бровь. — Не жирно для заводского спеца?

— Самохин у нас не просто спец, Лёха, — Петрович понизил голос, хотя в пустой машине нас никто не мог слышать. — Он из тех, кто под себя всё подмял. Говорят, у него связи наверху такие, что директора за руку здороваются. Видать, ты ему вчера реально кость в горле вставил, раз он лично поехал посмотреть, как тебя коллекторы прессуют. Оценивает, насколько живучий «таракан» ему достался.

— Присматривается, значит, — пробормотал я.

— Ты с ним аккуратнее, Кузнецов. Самохин не Костян. Он ломает не пальцы, а сразу жизнь. И делает это по всем правилам, с печатями и подписями.

Мы свернули с трассы на проселочную дорогу. Пыль из-под колес повалила густым облаком, скрывая за нами панораму Энска-4. Контуры заводских труб окончательно растворились в мареве, а впереди замаячили зеленые крыши дачного массива «Вишенка».

Дачный массив «Вишенка» встретил нас тишиной, прерываемой лишь ленивым лаем собак и стрекотом кузнечиков. «Москвич» Петровича, подпрыгивая на ухабах, остановился у ворот с облупившейся синей краской. За забором виднелся аккуратный домик, утопающий в зелени яблонь, и парник, блестящий на солнце свежим поликарбонатом.

— Выгружайся, — скомандовал Петрович, заглушая мотор. — Чего замер? Хватай сумку из багажника, там мясо. А я пока делом займусь.

Пока я вдыхал свежий воздух, Петрович первым делом направился к небольшому срубу в углу участка.

— Сначала — огонь в каменку, — бросил он через плечо. — Баня — дело долгое, пока прогорит, пока выстоится, как раз и пообедать успеем, и переварить. Если сейчас не закинуть, к ночи только согреется.

Я занялся огнем. Работа руками успокаивала. Вскоре в мангале весело затрещали сухие березовые поленья, а по участку поплыл первый, самый сладкий дым. Петрович тем временем метался между грядками и верандой: притащил миску со свежими огурцами и редиской, которые тут же обмыл из шланга, крупно нарезал буханку серого хлеба и вывалил на блюдо гору маринованного мяса.

Когда первые шампуры легли на угли, запах жареного свиного бока и лука ударил в нос так мощно, что у меня потемнело в глазах. Желудок, пустой со вчерашнего вечера, выдал такой спазм, что пришлось опереться о край стола.

— Терпи, мастер, — Петрович по-доброму усмехнулся, ловко переворачивая мясо. — Сейчас подкрепишься. Вижу же, что ты на одних нервах вчера держался.

Минут через сорок, когда мясо дошло до готовности, а баня уже вовсю гудела, обдавая участок жаром, мы наконец осели на веранде. По центру стола дымилась гора золотистого шашлыка. Петрович потянулся было под стол, извлек запотевшую бутылку водки и два граненых стакана.

— Ну, Кузнецов... за то, чтобы в понедельник рука не дрогнула? — он вопросительно посмотрел на меня, занеся руку над пробкой.

Я посмотрел на прозрачную жидкость, вспоминая погром в своей комнате и тени в зеркале.

— Убирай, Петрович, — я покачал головой и подвинул к себе кружку. — Давай лучше кваса. Мне в понедельник голова нужна светлая, а не «после вчерашнего». На пятисотую серию с туманом в мозгах соваться — себе дороже.

Петрович замер. Он долго и пристально вглядывался в мое лицо, будто проверял клеймо на детали. Потом молча спрятал бутылку обратно в ящик и достал из холодильника тяжелый кувшин.

— Твоя правда, — буркнул он, наливая мне холодный, пахнувший ржаной корочкой квас. — Не ожидал, честно скажу. Думал, ты сейчас первым за стопкой потянешься.

Я не стал отвечать, а просто вгрызся в кусок мяса. Оно было идеальным. Каждая калория возвращала силы молодому телу Кузнецова, наполняя мышцы забытой энергией. Я ел, чувствуя, как внутри снова разгорается уверенность. Это было не просто утоление голода — это была заправка перед большой охотой.

— Ешь, Лёха, ешь, — Петрович одобрительно кивнул. — Пусть баня пока выстоится. Часа через три самый сок будет. Вот там и поговорим по-взрослому.

Солнце уже начало клониться к горизонту, когда Петрович объявил готовность. Мы зашли в предбанник, пахнувший дегтем и застарелым духом березовых веников. Внутри самой парилки было жарко, но пар был легким, а густой туман скрывал лица, оставляя только голоса.

Мы сидели на верхнем полке. Петрович, обмотанный огромным полотенцем, тяжело отдувался, размахивая веником.

— Хорошо пошла... — пробасил он, вытирая лицо. — Ты, Кузнецов, не молчи. Я же вижу, у тебя под черепной коробкой сейчас шестеренки так крутятся, что аж здесь слышно. Выкладывай, что ты там про Самохина и «Патриот» выпрашивал.

Я плеснул на камни ковш травяного настоя. Каменка отозвалась яростным шипением.

— Петрович, Самохин тебя подставляет, — сказал я тихо, но отчетливо. — Ты знаешь про Акт номер сто девяносто восемь? Тот самый, июльский, который Марк Борисович в метрологии составил.

Петрович замер. Веник так и остался висеть в воздухе. — Откуда... откуда ты про него знаешь? Этот акт Самохин лично под сукно засунул. Там черным по белому было: литье пяти-сотой серии идет с кавернами. Структура металла — как губка.

— Знаю, потому что видел его, — я выдержал паузу, позволяя Петровичу осознать серьезность ситуации. — Самохин купил это литье по дешевке, а разницу вывел. Теперь ему нужно закрыть план любой ценой. И цена эта — твоя голова, Петрович. Когда эти редукторы начнут рассыпаться в воздухе, комиссия придет не к Главному технологу. Она придет к начальнику цеха и сборщику.

Начальник цеха тяжело опустился на полоч. В полумраке его глаза блеснули тревогой. — И что ты предлагаешь? У меня план, Лёха. Не отгружу — Филиппов меня сожрет прямо в понедельник.

— Предлагаю игру на опережение. Переведи меня в понедельник в первую смену. Прямо с семи утра. И поставь на сборку именно этой серии. Я соберу их по-своему. Они пройдут ОТК, Зинаида Петровна даже глазом не моргнет. Но как только их поставят на вибрационный стенд у военпреда — они «крякнут». Громко и гарантированно.

— Ты хочешь завалить приемку Минобороны? — прошептал Петрович. — Это же расстрельная статья!

— Нет, Петрович. Это единственный способ вызвать комиссию из главка. И вот тогда мы вытащим на свет тот самый акт сто девяносто восемь. Марк Борисович в деле. Либо мы сейчас рискнем, либо через месяц будем сушить сухари в одной камере.

Петрович долго молчал, только тяжело дышал. Я ждал. Сейчас решалось всё.

— Рисковый ты, Кузнецов... — наконец выдохнул он. — Ладно. В понедельник в семь ноль-ноль жду у себя. Выпишу тебе наряд на пятисотку. Но если проколешься — я тебя первым сдам. Понял?

— Понял, Петрович. Не проколюсь.

Солнце уже коснулось вершечек сосен, окрашивая дачный поселок в густой багрянец. Мы вышли из бани — распаренные, красные, но с какой-то новой, деловой сосредоточенностью в движениях. Воздух после парилки казался невероятно вкусным.

Петрович молча дошел до сарая, вытащил из него старую холщовую сумку и направился к дому.

— Погоди здесь, — бросил он.

Через пять минут он вернулся. Сумка заметно отяжелела. Он поставил её на скамью перед верандой, и я услышал характерный стук стеклянных банок и глухой звук чего-то увесистого.

— Вот, — Петрович кивнул на сумку. — Тут хлеб домашний, жена пекла, сало соленое — сам делал, не чета магазинному мылу. Огурцов набрал, варенье смородиновое.

Я открыл было рот, чтобы отказать, но Петрович пресек это тяжелым взглядом.

— Не дури, Кузнецов. Я же видел, как ты на шашлык набросился. У тебя в общаге, небось, в холодильнике только мышь повесившаяся и осталась. А мне в понедельник нужен мастер с твердой рукой, а не дистрофик с голодным обмороком. Понял? Это не подачка. Это... инвестиция в общую победу.

Я посмотрел на сумку. Сало и домашний хлеб — в моем нынешнем положении это было сокровище, которое гарантировало, что я не завалюсь от слабости в середине смены.

— Спасибо, Петрович. С зарплаты сочтемся.

— С первой премии сочтемся, — ворчливо поправил он, направляясь к «Москвичу». — Грузись давай. Пора в Энск возвращаться. Завтра воскресенье — отсыпайся, гуляй, но к стакану чтобы ни-ни. Проверю.

Дорога обратно прошла в молчании, но это уже не было то подозрительное молчание, с которого началась поездка. Теперь это была тишина двух заговорщиков, которые уже всё

решили. Город встретил нас привычным смогом и серыми коробками общежитий. Когда «старичок» притормозил у моего подъезда, Петрович на секунду задержал мою руку на дверной ручке.

— Помни, Лёха. Семь утра. Наряд я выпишу заранее. Не подведи.

Я кивнул, подхватил сумку и вышел. «Москвич» затарахтел, пуская сизый дым, и скрылся за углом.

Я поднялся на свой этаж. В коридоре общаги всё так же пахло дешевым табаком и жареной рыбой, но моя дверь теперь вела в другое место. В чистую, вымытую комнату, где на столе ждал инструмент и где теперь был запас еды.

Я выложил продукты на стол. Ломоть сала пах чесноком и перцем так, что закружилась голова. Теперь у меня было всё: чистая совесть, сытость и план.

Воскресенье тянулось медленно, как патока. После вчерашнего «десанта» на дачу организм молодого Кузнецова наконец-то получил необходимый ресурс, и я чувствовал, как силы возвращаются в мышцы. Но сидеть в четырех стенах чистой, но тесной общаги было невмogu. Я ополоснул лицо холодной водой, натянул свежую футболку и вышел на раскаленные улицы Энска.

Конец июля 2026 года выдал всю свою беспощадную мощь. Город буквально плавился. Марево дрожало над асфальтом, а горячий ветер доносил со стороны промзоны лишь запах раскаленного бетона и сухой металлической пыли. Я шел в потоке людей, чувствуя кожей тяжелый, липкий зной.

Мимо проплывали патрули ППС, их планшеты в автоматическом режиме сканировали лица прохожих. Я старался держаться в тени рекламных голограмм ЖК «Мечта рабочего», которые обещали стабильность и вечный оборонный заказ. Мой кредитный рейтинг после вчерашней выплаты Костяну вряд ли сразу стал «зеленым», а лишние вопросы от системы мне сейчас были не нужны.

Этот мир был странным сплавом высоких технологий и бытовой разрухи. Сверкающие панели новых кварталов соседствовали с бетонным забором, за которым гудел «Металлург». Я смотрел на всё это взглядом человека, который уже один раз видел финал этой истории. Конец июля — время, когда на заводе обычно начиналась самая грязная «гонка за планом», когда на брак закрывали глаза ради цифр в отчетах.

Вернувшись в общагу, я поужинал Петровичевым салом и хлебом. Простая, грубая еда давала ту самую плотность в теле и уверенность в руках, которые были необходимы для предстоящей работы.

Вечер я провел в тишине. Инструменты были в порядке, папка в сейфе у Марка Борисовича ждала своего часа, а Петрович обещал наряд на первую смену. Сегодня мне нужно было настроиться на созидательное разрушение.

Я лег спать пораньше, поставив будильник на пять тридцать. Последнее, что я сделал перед тем, как закрыть глаза — еще раз прокрутил в уме семь цифр той самой накладной с полей Акта 198 от 12 июля. Эти цифры были моим главным калибром.

— Ну что, Самохин... — прошептал я в темноту комнаты. — Завтра в семь ноль-ноль я вхожу в игру.

Сон пришел мгновенно — глубокий и без сновидений. Организм был готов к бою. Завтра я войду в цех как хирург, идущий на операцию по удалению опухоли с тела завода.

Глава 7

Будильник на стареньком смартфоне взвыл в 5:30, разрезая предрассветную тишину общажной каморки. Я открыл глаза мгновенно. Не было привычного для этого тела желания сдохнуть прямо здесь, под дырявым одеялом, не было вязкого тумана в голове и липкого похмельного пота. Организм Лёхи Кузнецова, запроваженный субботним «десантом» на дачу к Петровичу — настоящим мясом, чесночным салом и домашним хлебом — впервые за долгое время выдал штатные показатели мощности.

Я сел на диване и поднял руки перед собой. Пальцы замерли в воздухе как влитые. Никакой мелкой вибрации, никакого тремора. «Инструмент откалиброван», — удовлетворенно подумал я. Взгляд стал жестким и ясным, способным снова видеть микроны там, где другие видят просто металл.

Быстрый завтрак остатками Петровичевых гостинцев, ледяная вода в лицо и свежая футболка. Сегодня я шел на завод воевать.

На проходную «Металлурга» я зашел ровно в 6:45. Солнце еще не успело раскалить асфальт Энска-4 до состояния сковородки, но воздух уже дрожал от гула просыпающихся цехов. Поток первой смены — серый, заспанный и хмурый — обтекал меня, как вода сваю. Я ловил на себе недоуменные, а порой и испуганные взгляды сменщиков. Трезвый, выбритый и собранный Кузнецов в первой смене — это была аномалия, системная ошибка, которую их сонный мозг отказывался обрабатывать.

Я направился напрямик к административному крылу своего корпуса. В кабинете Петровича утренний селектор уже подходил к концу. Голос начальника цеха, тяжелый и властный, пробивался сквозь закрытую дверь.

— ...повторяю для тех, кто в отпуске грелся: пятисотую серию я отдал Кузнецову, — басил Петрович.

— Петрович, ты в своем уме?! — этот голос я узнал сразу. Андрей, мастер нашего участка. Судя по тону, отпуск не пошел ему на пользу. — Давать горящий заказ, который мы месяц назад должны были отгрузить, этому алкашу? Он же их заперет! У него руки как у паралитика, он шутилер от гайки не отличит!

Я толкнул дверь и вошел. Андрей, загорелый и пахнущий дорогим парфюмом, стоял у стола, яростно размахивая руками. Петрович, не меняя позы, сидел в своем массивном кресле.

— Андрей, замолкни, — Петрович даже не повернул головы в мою сторону, продолжая сверлить мастера взглядом. — Лёха в пятницу спас партию кислородных клапанов, которую твой драгоценный Вадик уже в брак списал. И сделал это так, что Зинаида Петровна его в пример ставила.

Мастер осекся, наконец заметив меня. Его лицо, еще секунду назад красное от гнева, вытянулось. Он оглядел меня с головы до ног, ища хоть какой-то признак вчерашнего перегара или мутного взгляда. Не нашел.

— Кузнецов? — Андрей скривился, будто откусил лимон. Брезгливость в его взгляде была почти осязаемой. — Явился, стахановец... Петрович, я под этим нарядом подпись не поставлю. Если изделия «крякнут» на приемке, ты меня крайним сделаешь?

— Иди работай, Андрей, — отрезал начальник цеха. — Наряд уже в системе. Кузнецов в твоём распоряжении. И чтоб ни одного лишнего слова на участке. Выполнять.

Петрович коротко кивнул мне, и в этом жесте было больше доверия, чем во всех приказах Самохина. Мы вышли из кабинета. Андрей шел впереди, едва не чеканя шаг, а я чувствовал, как у него под лопатками кипит невысказанная злоба.

У самого входа на участок он резко остановился и развернулся.

— Послушай меня, Лёха, — прошипел он, сокращая дистанцию. — Не знаю, чем ты опоил Петровича на выходных, но на моем участке фокусы не пройдут. Шаг вправо, полградуса перегара — и я лично тебя за ворота выкину. Понял?

— Понял, Андрей, — спокойно ответил я, глядя ему прямо в переносицу. — Только давай без лирики. Время — деньги. Твои и мои.

Мастер дернул щекой, не найдя, что возразить на такую наглость.

— Дуй на склад комплектации, — бросил он, отворачиваясь. — Забирай заказ на тридцать редукторов пятисотой серии. И не дай бог хоть одну медную прокладку потеряешь...

Я развернулся и направился к складу.

На складе комплектации было прохладно и пахло консервационной смазкой. Пожилая кладовщица долго изучала мой наряд, подозрительно переводя взгляд с бумаги на мое лицо.

— Кузнецов? В первую смену? — она поджала губы, но спорить с подписью Петровича не решилась. — Забирай. Поддоны тяжелые, аккуратней на поворотах.

Я перевез тридцать комплектов редукторов к своему рабочему столу. В цеху уже стоял привычный ровный гул, перемежаемый резким шипением пневматики. Соседние сборщики поглядывали на меня с нескрываемым любопытством, но я не обращал на них внимания. Сейчас для меня существовал только металл.

Я начал методично раскладывать детали по узлам. Корпуса — в центральный ряд, крышки — слева, пружины и мембраны — справа. Движения были скупыми и точными. Внутренняя память подсовывала мне объемные схемы: я видел каждый канал, каждый паз, каждый шаг резьбы.

— Когда же ты ко мне за чертежами и техпроцессом собирался прийти, Кузнецов? — раздался за спиной знакомый язвительный голос.

Вадик стоял в проходе, демонстративно поигрывая папкой с документацией. На его лице застыла маска превосходства, смешанная с желанием подловить меня на малейшей ошибке. Андрей-мастер стоял чуть поодаль, сложив руки на груди и внимательно наблюдая за сценой.

— Как подготовку сделаю, так сразу к тебе, — ответил я, не поворачивая головы и продолжая раскладывать латунные гайки.

— Хотя чего к тебе идти, ты сам их принес. — Повернув голову увидел Вадика с документацией.

Я выпрямился, развернулся и просто забрал папку из рук опешившего технолога. Уверенно, как у подчиненного. Вадик впал в ступор. Его брови взлетели вверх, рот приоткрылся, но слов не нашлось. Он привык, что Лёха Кузнецов — это бесхребетное существо, которое можно пинать словами, а тут он столкнулся с невероятной уверенностью Старшего технолога. Вадик бросил быстрый взгляд на Андрея, надеясь на поддержку, но тот лишь хмуро кивнул на столы. Технолог, так и не выдав ни звука, развернулся и почти бегом скрылся в сторону своей конторки.

Я положил папку на стол и открыл Техпроцесс. Глаза пробежали по строчкам.

— Ну надо же... — прошептал я.

На титульном листе техпроцесса, в самом низу, в графе разработчика стояло: «Разработал А. Кузнецов. 03.1988 год». Это был мой первый серьезный проект. Мой первый успех. Горький ком подкатил к горлу. За тридцать восемь лет завод не изменил в этой технологии ни единой буквы. Они просто эксплуатировали наследие, которое я создал почти четыре десятилетия назад, не пытаясь даже актуализировать марки сталей или допуски под современные станки. Они ехали на моем багаже в пропасть.

Я встряхнул головой, отгоняя нахлынувшие призраки прошлого. Сейчас не время для сантиментов.

Первым делом — заглушки. Я аккуратно снимал пластиковые транспортировочные колпачки со штуцеров и тут же ставил их в специальные лотки. Покрытие никель-хромом на 500-й

серии — это не просто красота, это защита от коррозии в агрессивной среде. Любая царапина на резьбе — потенциальный очаг утечки под высоким давлением.

Затем я отобрал детали, требующие обезжиривания. Для кислородного оборудования чистота — это закон, написанный кровью пилотов. Малейшая капля масла в канале высокого давления приведет к мгновенной детонации при подаче газа.

Я собрал детали в спецтару — сетчатую корзину из нержавейки — и отнес на пост промывки. Хмурая женщина в плотном фартуке, не глядя на меня, привычным движением приняла поднос. Корзина нырнула в ванну с бензином БФ, крышка камеры захлопнулась с тяжелым лязгом. Включился ультразвук. Характерный высокий писк пробрал до зубов, выбивая невидимую грязь из каждой поры металла. Спустя десять минут — продувка. Под давлением сжатого азота, свистящего как разъяренная змея, просушился каждый канал, убеждаясь, что внутри не осталось ни капли растворителя.

Вернувшись к столу, я пододвинул к себе микроскоп — старый добрый МБС-10. Положил под линзу первый корпус редуктора. В окулярах блеснул зеркальный никель. Внешне — идеал, эталон оборонной мощи. Но я знал, что внутри прячется гниль, и подсознательно потянулся к этому знанию.

В следующую секунду мир перед глазами дрогнул. Я инстинктивно вцепился в края стола, потому что картинка в окулярах внезапно обрела пугающую глубину. Это не было просто увеличением — это был прорыв. Мое сознание будто прошло никелевую броню, проваливаясь в саму структуру сплава.

Я ошалел, застыв с открытым ртом: металл перестал быть монолитом. Он превратился в застывшую пену. Прямо под блестящим покрытием я увидел то, что скрывал Самохин: рыхлые каверны, цепочки застывших пузырьков воздуха и микроскопические трещины, похожие на паутину. В одном месте стенка корпуса истончалась почти вдвое, превращаясь в фольгу, готовую лопнуть от малейшего чиха. Сердце забило где-то в горле — я не просто «догадывался», я теперь видел эту техническую подлость насквозь.

Это было и страшно, и чертовски круто одновременно.

— Понятно... — выдохнул я.

Это и был тот самый «левый» металл, на котором Самохин заработал свой «Патриот». При обычном давлении на стенде они выстоят. Но я знал: завтра на испытаниях у военпреда их ждет сначала глубокая заморозка, а потом резкий нагрев в печке. Металл начнет «дышать», расширяться и сжиматься. И в местах этих воздушных пузырей возникнет критическое напряжение.

«Мины замедленного действия установлены», — подумал я, отрываясь от окуляра. — «Теперь моя задача — собрать их так, чтобы они не крякнули раньше времени, но гарантированно лопнули на сдаче у военпреда».

Я взял со стеллажа свой главный калибр — динамометрический ключ с поверкой. Инструмент в руках ощущался как продолжение нервной системы.

Началась сборка.

Первым делом — установка штуцеров на красно-медные прокладки. Медь должна быть мягкой, отоженной, чтобы при затяжке она заполнила микроскопические неровности герметизирующих канавок, создав герметичный замок. Я брал каждый корпус и вкручивал штуцер, чувствуя, как металл сопротивляется, как нарастает усилие.

Вот здесь и начиналось «минирование».

По техпроцессу 1988 года момент затяжки составлял от 4 килоНьютонов до 5 килоНьютонов. Я действовал ювелирно. Там, где «зрение» показало чистый металл, я ставил среднее значение. Но на тех корпусах, где каверны и пузыри воздуха подходили вплотную к поверхности, я намеренно доводил усилие до 5 килоНьютонов.

Это был предел. Я буквально кончиками пальцев чувствовал, как внутри дефектного литья рождается напряжение. Металл стонал, молекулярные связи в истонченных стенках натягивались до звона. Сейчас, при комнатной температуре и стабильном давлении, редуктор будет стоять насмерть. Он пройдет любую проверку в цеху.

Но я знал, что произойдет завтра. Когда подполковник Савельев засунет эти кассеты в морозилку на -60°C , а потом резко перебросит в печь на $+80^{\circ}\text{C}$, наступит момент истины. Термическое расширение — неостановимая сила. Металл начнет «дышать», и мои точки преднатяга станут эпицентрами разрыва. Стенки корпусов лопнут по кавернам Самохина именно тогда, когда военпред будет стоять рядом.

— Кузнецов, ты чего там замер? — Мастер Андрей снова вырос за спиной, подозрительно косясь на мои манипуляции с ключом. — Что ты там выцеливаешь? Тяни давай, план не ждет!

— Я не просто тяну, Андрей, я создаю ресурс, — ответил я, не оборачиваясь. Голос звучал спокойно, почти буднично. — 500-я серия суеты не любит.

Мастер только хмыкнул и пошел дальше. Он не видел, что под моими руками рождается приговор его хозяину.

Затем пришла очередь мембран. Они были полированы до зеркала, как и положено в моем старом техпроцессе. Я устанавливал их в корпуса, накрывал крышками и методично затягивал. Внутри каждого редуктора теперь жил мой расчет.

Когда до конца первой половины смены оставалось совсем немного, я закончил последний, тридцатый прибор. Руки гудели от статического напряжения, но внутри было удовлетворение. Я заставил это гнилое литье работать на меня.

Теперь — проверка. Я подозвал диспетчера, чтобы забрать паспорта на изделия. Но стоило мне открыть первую страницу, как я почувствовал, как ярость вскипает в груди, выжигая остатки усталости.

В графах «Вибрационные испытания» и «Повторная проверка на герметичность» стояли жирные, размашистые прочерки черным маркером.

— Кто это сделал? — тихо спросил я диспетчера.

— Вадим Игоревич распорядился, — девушка испуганно отступила под моим взглядом. — Сказал, сроки горят, этапы избыточные, можно сократить для ускорения отгрузки...

Я захлопнул паспорта и медленно пошел вглубь цеха. Вадик стоял у распределительного щита, что-то весело объясняя группе сборщиков. Его лоснящееся лицо сияло уверенностью.

Я глубоко вдохнул, наполняя легкие заводским воздухом, и заорал так, что гул на мгновение затих.

— ВАДИК! КАКОГО ХРЕНА ВЫ ВЫЧЕРКНУЛИ ВИБРАЦИЮ?!

Голос Старшего технолога, усиленный годами руководства в шумных пролетах, перекрыл ровный гул оборудования. Сборщики за соседними столами замерли, механики перестали греметь ключами, и на мгновение в четвертом цеху повисла та самая неестественная тишина, которая обычно предшествует взрыву.

Вадик вздрогнул, его лоснящееся лицо мгновенно пошло пятнами. Он медленно обернулся, пытаясь сохранить остатки напускного достоинства перед работягами.

— Кузнецов, ты чего орешь? — прошипел он, стараясь понизить градус конфликта. — Совсем берега попутал? Ты здесь кто такой?

Я шагнул в центр участка, швырнув паспорта на ближайший верстак.

— Я тот, кто этот техпроцесс знает как свои пять пальцев! — я вовремя прикусил язык, едва не выдав свою истинную личность. — А ты — тот, кто сейчас подписывает смертный приговор пилоту! Какого хрена в паспортах вычеркнуты вибрационные испытания? Кто решил нарушать техпроцесс восьмидесятых годов?

— Это распоряжение Главного технолога! — взвизгнул Вадик, сорвавшись на фальцет. — Время — деньги! Мы этот этап вывели как избыточный для ускорения отгрузки! Ты отре-

гулировал? Параметры в норме? Вот и заткнись, сборщик! Твоё дело — гайки крутить, а не в стратегию лезть!

— Стратегия? — я усмехнулся, и в этой усмешке было столько презрения, что Вадик невольно отступил на шаг. — Твоя стратегия — сэкономить сорок минут смены, чтобы Самохин успел отчитаться до выходных. Но без вибрации ты не увидишь «усталость» металла. Ты не узнаешь, как поведёт себя твоё гнилое литьё, когда редуктор начнёт трясти вместе с фюзеляжем!

Вокруг нас уже собралось кольцо рабочих. Мастер Андрей стоял чуть поодаль, нахмурившись, но не спешил вмешиваться. Он видел, как «алкаш» Кузнецов на глазах у всего цеха размазывает дипломированного технолога.

— Ты экономишь крохи, Вадик, — я понизил голос, но в наступившей тишине его слышал каждый. — А в небе этот редуктор развалится. И когда это случится, ты его своей «универсальной» мастикой клеить будешь? Или Самохин заставишь дюзы редуктора на лету продовать?

— Да что ты понимаешь... — пролепетал Вадик, оглядываясь на мастера в поисках поддержки. — Есть ТУ, есть регламенты...

— Есть физика! — отрезал я. — И она на твои регламенты плевать хотела.

Я замолчал, глядя прямо в его бегающие глаза. Ловушка захлопнулась. Я не стал требовать переделки паспортов. Пусть его подпись остаётся там. Пусть эта бумажка станет его пропуском в камеру следственного изолятора, когда завтра корпуса треснут у военпреда.

— Ладно, — я махнул рукой, изображая безнадежность. — План, так план. Только помни, Вадик: металл — он честный. Он всё помнит. И твои подписи — тоже.

Я развернулся и пошел обратно к своему столу. Участок загудел. Мужики переглядывались, в их взглядах на Вадика теперь читалось не просто равнодушие, а тяжелое подозрение. Мой авторитет на участке за эти пять минут взлетел выше заводской трубы.

Закончив со сборкой последнего, тридцатого редуктора, я не спешил звать мастера. Впереди был самый тонкий этап — предварительная регулировка. Я подошел к испытательному стенду — массивному металлическому коробу, внутри которого хитросплетение медных трубок соединяло манометры и ротаметр в единую измерительную цепь.

Я прикрутил первый редуктор к штатной стойке стенда и плавно открыл магистральный вентиль. Воздух под давлением в сто пятьдесят атмосфер отозвался утробным шипением внутри прибора. Теперь — настройка. Я взял специальный ключ и начал вращать регулировочный винт, сжимая главную пружину, чтобы выставить нужное давление на выходе.

В этот момент снова включилось «инженерное зрение». Я не просто смотрел на дрожащие стрелки манометров — я буквально чувствовал, как внутри корпуса мембрана прогибается под натиском газа, а клапан находит свое седло. Это была ювелирная работа. Мне нужно было не просто попасть в допуск, а выставить параметры по верхней границе. Я намеренно задавал чуть большее напряжение, чтобы завтрашний нагрев в печке помог моим точкам преднатяга разорвать дефектное литье изнутри.

Один за другим я прогнал все тридцать штук. Мастер Андрей крутился неподалеку, нервно поглядывая на часы.

— Давай резвее, Кузнецов! — бросил он, стараясь не смотреть мне в глаза. — Петровна уже на соседнем участке закончила. Если не успеешь отрегулировать до её прихода, сорвем предъявление!

— Готово, Андрей. Принимай, — я отложил ключ и вытер вспотевшие ладонью лоб.

Мастер подошел к стенду, выборочно проверил пару редукторов, убедился, что стрелки стоят на нужных отметках, и только тогда махнул рукой Зинаиде Петровне. «Женщина-ГОСТ»

появилась на участке незамедлительно. Вадик тут же возник рядом, подобострастно заглядывая ей в глаза, но Петровна, проигнорировав его, сразу встала к моему стенду .

Процесс пошел по официальному протоколу. Петровна сама прикручивала редукторы к стойке и открывала подачу кислорода. Она проверяла герметичность соединений моим мыльным раствором и внимательно следила за поплавком ротаметра — главным прибором, показывающим поток газа .

— Давление десять килограмм, — зафиксировала она. Поплавок замер. — Восемьдесят литров в минуту. Норма.

Я наблюдал со стороны, зная, что за внешним идеалом скрывается моя ловушка.

— Давление пятнадцать, — Петровна крутанула маховик противодействия. Поплавок плавно взлетел вверх по стеклянному конусу. — Сто семьдесят литров. Показатели отличные.

Все тридцать редукторов прошли проверку без единого замечания. Вадик сиял, Андрей заметно расслабился.

— Партия принята к испытаниям, — Петровна размашисто поставила клеймо «Годен» в паспорта, где так и остались вычеркнутые Вадиком этапы вибрации. — Завтра в девять утра сдача военпреду Савельеву.

Смена закончилась. Выйдя за проходную, я почувствовал вибрацию в кармане.

СМС от Марка Борисовича: «СБ вскрыли соседний сейф. Мой — следующий. Если твои игрушки завтра не бахнут до обеда — в 13:00 комиссия её у меня изымет. Папка пока у меня. Жми!».

Я посмотрел на здание административного корпуса. Завтра в 13:00 Самохин планирует похоронить метролога вместе с его актами, но он не знает, что в 11:30 физика подпишет ему приговор.

— Завтра, Самохин... завтра ты увидишь, как работает предел прочности, — прошептал я.

Счётчик пошел на последние часы.

Глава 8

Будильник в 5:30 больше не казался врагом. Я открыл глаза за мгновение до того, как смартфон начал свою надрывную трель. Тело Лёхи Кузнецова, заправленное «топливом» из Петровичевых гостинцев, работало идеально: мышцы были налиты спокойной силой, а в голове царила та самая инженерная ясность, которая позволяла видеть систему целиком, до последнего винтика. На завтрак ушли последние ломти домашнего хлеба и сала — простая, грубая еда, дающая выносливость на весь день.

Я шел на завод, кожей чувствуя приближение грозы. На проходной в 6:45 плотный поток рабочих первой смены обтекал меня, как холодная вода — раскаленную деталь. Взгляд на «Белый дом» был коротким: там, на третьем этаже, Марк Борисович сейчас наверняка тоже не находит себе места, зная, что СБ дышит ему в затылок.

На участке «пятисотки» воздух можно было резать ножом. Вадик, обычно вальяжный и говорливый, сегодня напоминал натянутую струну. Он нервно перебирал паспорта изделий, то и дело поправляя очки вспотевшими пальцами. Мастер Андрей хмуро мерил шагами пролет, то и дело поглядывая на входные ворота цеха. Оба понимали: эта партия редукторов, просроченная на месяц, — их последний шанс закрыть план без скандала.

Я спокойно подошел к своему верстаку и начал готовить рабочее место. Проверил давление в магистрали, убедился в чистоте переходников стенда. Мое спокойствие явно бесило Вадика.

— Что, Кузнецов, даже не дрожишь? — прошипел он, подойдя почти вплотную. — Если хоть один прибор сегодня «засвистит», я лично прослежу, чтобы тебя вышвырнули по статье за вредительство.

— Не засвистит, Вадик, — ответил я, не поднимая головы. — Металл не врет. Он всегда показывает ровно то, что в него заложили.

Вадик хотел что-то вякнуть в ответ, но в этот момент в цеху наступила тишина. В сопровождении начальника ОТК шел подполковник Савельев. Сухой, поджарый, в безупречно отглаженной форме, он воплощал собой ту самую военную приемку, которую невозможно купить или разжалобить.

Савельев не тратил время на приветствия. Он подошел к столу, взял первый попавшийся паспорт редуктора и замер. Его брови медленно поползли вверх, когда он увидел жирные черки в графах вибрационных испытаний.

— Подполковник Савельев, — представился он, не отрывая взгляда от бумаги. — Вадим Игоревич, я правильно понимаю, что вы лично санкционировали сокращение техпроцесса на изделия первой категории?

Вадик сглотнул, его кадык судорожно дернулся.

— Товарищ подполковник... мы... для интенсификации производства... сроки поджимали, а оборудование надежное, проверенное...

— Оборудование, может, и проверенное, — отрезал Савельев, наконец подняв глаза. — А вот технология — нет. Любое отклонение от регламента — это риск. Кузнецов, вы собирали? Я выпрямился, глядя военпреду прямо в глаза.

— Я, товарищ подполковник. Сборка произведена строго по имеющейся документации.

Савельев еще пару секунд сверлил меня взглядом, будто пытаюсь найти изъян, но затем коротко кивнул в сторону испытательных камер.

— Начинайте. Сначала — камера холода. Посмотрим, как ваша «интенсификация» выдержит реальный мороз.

В девять ноль-ноль кассеты с тридцатью редукторами скрылись за тяжелой герметичной дверью камеры холода. Я сам выставлял их на полки, следя, чтобы между корпусами оставался

зазор для равномерного обдува. Установка загудела, нагнетая жидкий азот, и стрелка термометра поползла вниз, к отметке минус шестьдесят градусов.

— Сорок минут выдержки, — скомандовал Савельев, засекая время на секундомере.

Мы стояли у иллюминатора камеры. Стекло быстро затянуло инеем, скрывая блестящий никель приборов. Включается «инженерное зрение», и я буквально физически чувствую, как холод вгрызается в металл. Дефектное литье Самохина, имеющее разную плотность из-за каверн, начало сжиматься неравномерно. В тех точках, где я создал избыточный преднатяг динамометрическим ключом, молекулярные связи натянулись до предела. Металл стонал, сдерживая колоссальное внутреннее давление, но пока держался.

Вадик нервно прохаживался вдоль стены, то и дело поглядывая на подполковника. Тот стоял неподвижно, сложив руки за спиной, и эта его неподвижность действовала на технолога хуже любого выговора.

— Время, — коротко бросил Савельев.

Наступил самый ответственный момент. Мы с Андреем-мастером, облаченные в теплозащитные рукавицы, быстро выкатили кассеты из криокамеры. Обжигающий холодный пар ударил в лицо, но медлить было нельзя. Кассеты тут же отправились в соседнюю установку — термопечь, где ТЭНы уже раскалили воздух до плюс восьмидесяти градусов.

— Запускайте нагрев, — Савельев снова щелкнул секундомером. — Тридцать минут.

Теперь начала работать физика расширения. Температурный дельта в сто сорок градусов — это сокрушительный удар по любой структуре. Внутренний монолог инженера в моей голове хладнокровно отсчитывал такты: сейчас тепло прошивает никель, добирается до литья... каверны, наполненные микроскопическими остатками газов, начинают расширяться, работая как маленькие домкраты изнутри стенок.

В десять ноль две это случилось. Сквозь мощный гул вентиляторов печи раздался сухой, короткий звук, похожий на щелчок лопнувшей струны.

— Что это? — Андрей-мастер дернулся, оглядываясь на печь.

— ТЭНы расширяются, — быстро вставил Вадик, хотя по его лицу пробежала тень сомнения. — Обычное дело при таком нагреве.

Я промолчал. Следом раздался второй щелчок, затем — еще три, почти слившиеся в один металлический хруст. Я знал — это не печь. Это лопаются корпуса моих «минированных» редукторов. Литье не выдержало термического шока в точках, которые я перетянул ключом.

Савельев подошел к печи вплотную, прислушиваясь. Его лицо оставалось беспристрастным, но глаза сузились.

— Еще десять минут, — произнес он, не оборачиваясь.

Эти десять минут в цеху прошли в абсолютной тишине. Вадик вытирал пот со лба, Андрей напряженно кусал губу. Прошло тридцать минут, как в печке находились приборы. Предстоял выход на стенд, который станет для Самохина концом света.

В десять тридцать редукторы, еще пышущие жаром печи, были выставлены на верстаки. Предстояло финальное испытание — проверка параметров и герметичности под рабочим давлением. Вадик, заметно расслабившийся после того, как печь затихла, снова обрел свой вальяжный вид. Он не слышал щелчков, а визуально никель всё еще скрывал внутренние повреждения.

— Приступайте, — Савельев кивнул Зинаиде Петровне.

«Женщина-ГОСТ» действовала по отработанной схеме. Она взяла первый редуктор из кассеты — тот самый, который я затягивал с особым «вниманием» — и прикрутила его к стойке стенда. Я стоял в паре метров, чувствуя, как внутри всё сжимается в ожидании неизбежного.

Петровна открыла вентиль подачи кислорода. Сто пятьдесят атмосфер с сухим рокотом ворвались в израненный металл. Поплавков ротаметра дернулся, стрелки манометров начали свой бег... и в этот момент цех содрогнулся от оглушительного хлопка.

Взрыв.

Корпус редуктора, не выдержав комбинации внутреннего давления и термических напряжений, разлетелся именно там, где «инженерное зрение» зафиксировало самую крупную каверну. Острый, как бритва, осколок никелированной латуни со свистом рассек воздух, чиркнул Савельева по щеке, оставив кровавую полосу, и со звоном вонзился в бетонную стену позади него.

— Вентиль! Перекрывай! — рявкнул я, видя, как Петровна на секунду замерла от шока.

Зинаида Петровна мгновенно пришла в себя и рванула маховик, отсекая подачу газа. Рев кислорода сменился свистящим затиханием, а в цеху повисла такая тишина, что было слышно, как кровь капает с подбородка подполковника на его безупречный воротник.

Вадик стоял с открытым ртом, его глаза стали размером с пятирублевые монеты. Андрей-мастер побледнел до синевы, вцепившись в край верстака.

Савельев не вскрикнул и не бросился за аптечкой. Он медленно достал белоснежный платок, прижал его к ране и несколько секунд смотрел на взорванный ошметок металла, оставшийся на стенде. Его спокойствие было страшнее любого крика.

— Ваш редуктор только что меня чуть не убил, — произнес он тихим, спокойным голосом, глядя прямо на Вадика. — Пару сантиметров выше — и я бы остался без глаза. А может, и умер бы.

Вадик попытался что-то выдать, но издал лишь невнятный хрип. Савельев не стал его слушать.

— Собирай комиссию, — так же спокойно продолжил военпред. — Сегодня в 13:00 чтобы были все твои начальники.

Подполковник не собирался оставлять улики без присмотра. Не обращая внимания на суету вокруг, он жестом потребовал у подросшего диспетчера плотный полиэтиленовый пакет. Савельев лично снял искореженные остатки редуктора со стойки, опустил их в мешок и бросил туда же паспорт изделия с подписью Вадика и вычеркнутой вибрацией. Горловина пакета была туго затянута суровой ниткой. Савельев достал из кармана свой личный пломбатор и с силой сжал свинцовую пломбу, намертво запечатывая доступ к браку.

— До комиссии пакет не вскрывать. Он будет храниться у начальника ОТК, — отрезал Савельев, передавая вещдок подросшим бойцам военизированной охраны.

Он развернулся и пошел к выходу, на ходу доставая мобильный телефон. Я знал, кому он звонит. Через пару минут о ЧП узнает главный военный представитель, а следом — следователь военной прокуратуры. Конец света для Самохина начался.

Как только за Савельевым закрылась дверь, гнетущая тишина четвертого цеха взорвалась. Участок загудел, как растревоженный улей. Бойцы военизированной охраны уже заняли позиции у верстака, бдительно охраняя полиэтиленовый пакет со свинцовой пломбой. Внутри него покоился разорванный редуктор и паспорт — теперь это была главная улика уголовного дела.

Вадик мешком осел на табурет. Его лоснящееся лицо приобрело землисто-серый оттенок. Он неотрывно смотрел на пятна крови подполковника на полу, понимая, что пломба военпреда — это капкан, из которого ему уже не вырваться.

Спустя десять минут двери цеха с грохотом распахнулись. На участок быстрым шагом влетел начальник ОТК, а следом за ним, едва не сбив с ног зазевавшегося механика, ворвался Самохин. Главный технолог выглядел так, будто его пропустили через центрифугу: лицо пошло красными пятнами, глаза бешено вращались, галстук сбился набок. Замыкал процессию Пет-

рович. В отличие от остальных, начальник цеха выглядел абсолютно невозмутимым, словно пришел на обычную планерку.

— Что здесь, мать вашу, произошло?! — рывкнул Самохин, подлетая к стенду. Его взгляд метнулся от охраны к кровавым каплям.

Вадик попытался встать, но ноги его не держали.

— Разорвало... Борис Аркадьевич... под давлением пятнадцать... — заикаясь, пролепетал технолог. — Осколок Савельева зацепил. Он опломбировал всё. Сказал, комиссия в час дня. Будет главный военный и прокуратура...

Услышав слово «прокуратура», Самохин побледнел. Спесь слетела с него мгновенно, обнажив животный страх. Он понял, что запахло реальным сроком. Его взгляд, лихорадочно ищущий спасения и крайнего, заметался по участку и мертвой хваткой вцепился в меня.

— Кузнецов! — взревел он, брызгая слюной. Самохин в два шага преодолел расстояние между нами и угрожающе навис надо мной. — Твоя работа?! Ты, сволочь, специально под мембрану что-то подложил?! Это саботаж! Диверсия! Я тебя лично под трибунал отдам!

Я не отступил ни на миллиметр, выдержав его безумный взгляд со спокойствием.

— Сборка произведена строго по предоставленному техпроцессу, Борис Аркадьевич. Очистка, продувка, момент затяжки — всё по техпроцессу.

Самохин задохнулся от ярости. Он набрал в грудь воздуха, чтобы заорать снова, но тут между нами выросла массивная фигура Петровича. Начальник цеха заслонил меня своей широкой спиной. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Он играл свою роль просто безупречно.

— Остынь, Борис Аркадьевич, — глухо, но настолько веско произнес Петрович, что Самохин осекся. — Кузнецов собирал ровно по тем бумагам, которые твой Вадик принес и подписал. Более того, в паспортах вычеркнута вибрация. И прокуратура первым делом спросит: на каком основании Главный технолог разрешил сократить цикл испытаний на кислородном оборудовании?

Самохин открыл рот, как выброшенная на берег рыба. Крыть было нечем. Его собственная жадность и спешка, помноженные на подпись Вадика, захлопнули ловушку. Он перевел затравленный взгляд на опечатанный пакет у вохровцев. Там, под свинцовой пломбой, лежал дефектный металл, который на комиссии разберут на атомы.

— Разбираться будем в час дня. При директоре и следователе, — добил его Петрович, отворачиваясь. Затем он посмотрел на меня. — Кузнецов, участок до выяснения опечатывается. Иди на обед.

Я молча кивнул, стянул рабочий халат и бросил его на спинку стула. Самохин сверлил меня полным ненависти взглядом, но подойти больше не рискнул.

Я вышел из цеха на залитый солнцем заводской двор. План сработал как часы. Хаос посеян, враг загнан в угол. Оставалось навестить Марка Борисовича.

«Металлург» уже гудел, как растревоженный муравейник, передавая из уст в уста обростающую чудовищными подробностями новость о взрыве на участке и раненом подполковнике.

Миновав вахту «Белого дома», я взлетел по лестнице на третий этаж и без стука толкнул тяжелую дверь с табличкой «Главный метролог».

Марк Борисович сидел за своим массивным столом, сцепив пальцы в замок. Первое, что бросилось в глаза — искореженная, варварски выломанная дверца личного сейфа в углу кабинета. Металл был выгнут наружу ломом или мощной монтировкой. СБ Самохина всё-таки приходила.

— Марк Борисович, — с порога выдохнул я, плотно закрывая за собой дверь. — Там на стенде полный финиш. Кровь военпреда на полу, осколок корпуса в стене, а на проходной уже следователь из военной прокуратуры пропуск оформляет.

— Я уже в курсе, Лёха, — голос метролога звучал ровно, но от этого напряжения звенел воздух. — Всё заводоуправление на ушах стоит. Директор рвет и мечет, Самохин носится как ошпаренный, ищет виноватых. Металл всё-таки лопнул?

— Разлетелся в клочья под рабочим давлением, — жестко подтвердил я. — Савельев лично всё опломбировал в мешок и сдал под охрану. До комиссии никто ничего не подменит.

Я перевел взгляд на вывороченный замок сейфа.

— СБ успела?

Марк Борисович усмехнулся одними уголками губ и тяжело похлопал ладонью по своему старому, потертому кожаному портфелю, лежащему прямо перед ним на столе.

— Опоздали. За полчаса до их визита я переложил бумаги. Пришли молодцы из безопасности, потрясли приказом о внеплановой проверке режима, выломали замок, перерыли все чертежи и ушли ни с чем. Акт номер сто девяносто восемь со мной. И те самые семь цифр «левой» накладной, написанные карандашом на полях — тоже.

Метролог медленно поднялся из-за стола. Он взял портфель за ручку, и его фигура вдруг показалась мне монументальной. Человек старой закалки, готовый идти до самого конца.

— Иди, Лёха, — произнес он, глядя на меня тяжелым, стальным взглядом. — Иди. В 13:00 готовься к похоронам!

Он не стал ничего объяснять и отвернулся к окну. Я молча кивнул, развернулся и вышел в прохладный коридор заводоуправления. Дверь за моей спиной тихо захлопнулась.

Шагая по гулким плиткам лестницы, я прокручивал в голове эту последнюю фразу Марка. В ней крылась мрачная, свинцовая двусмысленность. В час дня решится всё. И чьи именно это будут похороны — мои, как простого сборщика, на которого попытаются повесить диверсию, или похороны Самохина и его криминальной империи — теперь зависело только от того, что покажет вскрытие запломбированного пакета.

Счётчик обнулится. Фигуры расставлены. Впереди — финал.

Глава 9

Ровно в 13:00 четвертый цех напоминал место преступления. Участок сборки «пятисотки» был плотно оцеплен хмурыми бойцами военизированной охраны.

У испытательного стенда собрался трибунал. Главный военный представитель — седой, грузный полковник с тяжелым, немигающим взглядом — стоял в центре. Рядом с ним расположился следователь военной прокуратуры — сухой, жилистый человек в строгом штатском костюме, чьи цепкие, бесстрастные глаза фиксировали каждую мелочь. Чуть позади замер подполковник Савельев. На его щеке белел аккуратный медицинский пластырь, резко контрастирующий со строгой зеленью мундира.

По другую сторону невидимого барьера жались обвиняемые. Вадик был бледен до синевы, его мелко трясло, а взгляд бездумно блуждал по полу. Самохин, напротив, пошел багровыми пятнами; он тяжело дышал, поминутно вытирая платком вспотевшую шею, и пытался излучать уверенность, которая таяла с каждой секундой. Мы с Петровичем стояли чуть поодаль. Начальник цеха возвышался как гранитная скала, всем своим видом демонстрируя готовность к любым проверкам. Я же был абсолютно спокоен. Мой внутренний расчет уже сработал, оставалось лишь дожидаться официальной констатации факта.

Комиссия началась. Опытный следователь знал: любая производственная катастрофа начинается с бумаги.

Отодвинув в сторону запечатанный пакет с разорванным редуктором, прокурорский работник раскрыл принесенную Вадиком папку. На металлический стол легли Протокол приемо-сдаточных испытаний и пачка паспортов на приборы. Несколько минут в цеху стояла звенящая тишина, прерываемая лишь сухим шелестом перелистываемых страниц. Следователь водил пальцем по строчкам, сличая подписи и даты.

Внезапно его палец остановился. Он достал из нагрудного кармана очки, надел их и еще раз всмотрелся в графы технологического контроля.

Первый капкан захлопнулся.

— Интересно, — голос следователя был негромким, но резал слух, как стеклорез. Он передал паспорт Главному военпреду. — Полюбуйтесь, товарищ полковник.

Главный военный взял документ. Его густые брови медленно сошлись на переносице. В паспорте напротив пунктов «Вибрационные испытания» и «Повторная проверка на герметичность» красовались жирные черные прочерки. А внизу — две размашистые подписи: разработчика техпроцесса Вадима Игоревича и утверждающая — Главного технолога Бориса Аркадьевича Самохина.

— Борис Аркадьевич, — Главный военный поднял взгляд на Самохина. — Объясните. Почему на изделиях первой категории опасности грубейшим образом нарушен ГОСТ? Кто дал вам право самовольно вычеркивать испытания на вибростенде?

Самохин судорожно сглотнул. Он попытался натянуть на лицо маску оскорбленного профессионала.

— Товарищ полковник, это... это устаревшие нормативы! — начал он, нервно жестикулируя. — Мы провели модернизацию! У современных приборов гарантия качества закладывается на этапе литья. Вибрация — это ненужная, избыточная операция, которая только тормозит производство. Мы оптимизировали процесс, чтобы не сорвать вам гособоронзаказ! Время — деньги, сроки горели...

Следователь прокуратуры медленно снял очки. Он перевел взгляд с Самохина на пол у испытательного стенда, где всё еще темнели не до конца затертые капли крови Савельева.

— Я вижу ваше качество, Самохин, — следователь кивнул на кровавое пятно, и в его сухом голосе прозвучал убийственный сарказм. — Вы так блестяще оптимизировали процесс, что чуть не убили офицера при исполнении.

Савельев молча коснулся пластыря на щеке, словно подтверждая слова прокурора.

Услышав это, Самохин понял, что разговоры об «оптимизации» его не спасут. Запахло реальным сроком. Паника, бившаяся внутри Главного технолога, прорвалась наружу, ища спасительный громоотвод. Его бегающий взгляд метнулся по участку и намертво вцепился в меня.

— Это не техпроцесс виноват! — вдруг истерично сорвался Самохин, тыча в мою сторону дрожащим пальцем. Лицо его перекосило от злобы. — Это сборка! Это всё его кривые, пьяные руки! Он собирал партию с нарушением всех норм! Сборщик виноват! Наверняка резьбу перетянул спяну или мусор механический под мембрану загнал! Это саботаж, умышленное вредительство работяги!

Я встретил его вопль полным молчанием. Пусть кричит. Чем громче он сейчас обвиняет сборку, тем оглушительнее будет его падение на следующем этапе.

Следователь посмотрел на брызгающего слюной Самохина, затем перевел спокойный взгляд на меня.

— Хорошо. Бумаги мы изучили, — произнес прокурор, закрывая папку. Он повернулся к опломбированному мешку. — Теперь посмотрим, что скажет само железо.

Следователь не удостоил истерику Самохина даже взглядом. Он пододвинул к себе плотный полиэтиленовый мешок, перетянутый суровой нитью. В центре узла тускло поблескивала свинцовая блямба.

— Прошу внимания всей комиссии, — громко и протокольно произнес прокурор. — Вещественное доказательство. Пакет опечатан личным пломбиратором подполковника Савельева.

Он наклонился ближе, придирчиво осматривая пакет.

— Целостность нити не нарушена. Оттиск печати военной приемки читается четко. Следов несанкционированного вскрытия нет. Подтверждаете, товарищ подполковник?

Савельев молча кивнул. Следователь достал из своего портфеля небольшие кусачки. В наступившей тишине цеха сухой металлический щелчок прозвучал как выстрел. Свинец упал на стол. Прокурор разорвал горловину пакета и аккуратно, словно это была неразорвавшаяся мина, извлек на свет то, что осталось от идеального прибора.

Он положил искореженный редуктор на заранее расстеленную белоснежную ветошь. Контраст сверкающего никеля, белой ткани и зияющей, уродливой раны в металле был пугающим. Комиссия придвинулась ближе. Даже Вадик, шатаясь, сделал полшага к столу, не в силах оторвать взгляд от плодов своего труда.

Картина разрушений говорила сама за себя. Внешняя стенка корпуса была буквально вырвана наружу с чудовищной силой. Металл вокруг зияющей дыры пошел глубокими, ветвящимися трещинами, похожими на паутину. Края излома торчали во все стороны острыми, рваными зубьями.

Следователь достал блокнот и начал методично диктовать, обращаясь к Главному военпреду:

— Заносим в протокол визуального осмотра. Наблюдаем сквозное разрушение корпуса. Отсутствует фрагмент наружной стенки камеры. Присутствуют множественные радиальные трещины. Характер повреждений указывает на мощный внутренний гидро- или пневмоудар.

— Вот! — тут же встрял Самохин, тыча коротким пальцем в сторону редуктора. — Я же говорил! Это Кузнецов мусор под клапан загнал! Клапан заклинило, давление скакнуло, и стенку выдавило! Типичный брак сборщика!

Главный военный поморщился, как от зубной боли, и перевел взгляд на прокурора.

— Гипотеза ясна, Борис Аркадьевич, — сухо ответил следователь, не отрываясь от бумаг. — Но чтобы утверждать это наверняка, нам нужно заглянуть внутрь. Нам необходимо понять первопричину разрушения: попал ли в систему механический мусор, не выдержала ли внутренняя деталь, или же была нарушена схема сборки.

Он отложил ручку, поднял глаза и посмотрел прямо на меня. В его взгляде не было ни обвинения, ни сочувствия — только профессиональный взор.

— Для выяснения всех обстоятельств прибор подлежит полной разборке в присутствии комиссии, — отчеканил прокурор. — Сборщик Кузнецов. Инструмент на стол. Приступайте к разборке прибора до последнего винтика. И без резких движений.

Я молча подошел к столу. Взял с верстака свой инструмент: рожковые ключи, торцевую головку, пинцет и специальную плоскую отвертку. Медленный, глубокий вдох — и я отключился от внешнего мира, погружаясь в знакомую до боли механику.

Одно точное движение — и сорванная, искореженная крышка редуктора легла на белоснежную ветошь.

Самохин не унимался. Видя, как уверенно я действую, он почувствовал, что теряет контроль над ситуацией, и сорвался на откровенный визг. Он буквально вился вокруг меня коршуном, брызгая слюной.

— Кузнецов, зачем ты нарушаешь техпроцессы?! — орал Главный технолог, пытаясь заслонить собой стол от комиссии. — Ты чуть не убил военного! Своими кривыми руками! Ты под суд пойдешь за свою сборку, я тебе обещаю! Ты не отвертись!

Я полностью игнорировал его. Мое лицо оставалось каменным, а руки двигались с безупречной, машинной точностью. Ослабить контргайку. Снять пружину. Аккуратно поддеть мембрану. Тонким пинцетом извлечь из гнезд толкатели и сухарь. Я методично, деталь за деталью, препарировал разорванный прибор, выкладывая внутренности на белую салфетку в строгом технологическом порядке.

Когда последний клапан лег на ткань, я сделал шаг назад и коротко произнес:

— Готово. Смотрите.

Следователь властным жестом отодвинул Самохина в сторону. Он пододвинул к себе микроскоп МБС-10, включил боковую подсветку и склонился над окулярами. Через минуту он молча уступил место Главному военпреду. Затем посмотрел Савельев.

Тишина в цеху стала почти осязаемой.

Под многократным увеличением линз открывалась картина, не оставляющая Самохину ни единого шанса. Внутренности редуктора были стерильны. Ни пылинки, ни микроскопической металлической стружки, ни следов задиров на зеркале клапана. Толкатели были абсолютно прямыми. Сухарь цел. Красно-медные прокладки обжаты с идеальной, равномерной геометрией, доказывающей правильный момент затяжки. Мембраны не имели ни малейших перекосов или надрывов.

— Внутренние узлы в идеальном состоянии, — наконец сухо констатировал прокурор, делая пометку в своем блокноте. Он поднял глаза на Главного технолога. — Механического мусора в системе нет. Сборка произведена безупречно. По этой части к рабочему вопросов не имею.

Самохин открыл рот, судорожно хватая воздух, но не смог выдать ни звука. Вадик, стоявший позади него, побледнел еще сильнее и тихо осел на ближайший табурет.

— Проблема не в сборке, — нарушил я повисшую паузу. Я взял со стола отвертку и указал её жалом на разорванный остов корпуса. — Проблема в самом металле. Взгляните на геометрию трещины.

Члены комиссии снова склонились над столом.

— Трещина прошла ровно по перегородке между камерами высокого и низкого давления, — чеканя каждое слово, начал я выносить свой приговор. — С одной стороны на эту

стенку давило сто пятьдесят атмосфер, с другой — рабочая среда. По ГОСТу этот сплав должен держать удар с тройным запасом прочности. Но стенка не выдержала и лопнула.

Я пинцетом приподнял отлетевший осколок наружной стенки и поднес его под лампу.

— Хлопок и вырванный наружный кусок — это лишь следствие. Внутренний гидроудар, возникший из-за разрушения перегородки, просто выдавил слабое звено наружу. А теперь посмотрите на сам излом. Качественный спецсплав на изломе дает светлую, плотную, мелкокристаллическую структуру. А что мы видим здесь?

Следователь прищурился, глядя на рваные края металла.

— Темный цвет. Рыхлость, — медленно произнес он.

— Именно. Это не монолит, это губка, — жестко подтвердил я. — Внутри литья сплошные микрокаверны и пустоты. При перепаде температур в барокамере воздух в этих пустотах расширился, стенки истончились до состояния фольги. А когда дали рабочее давление, этот бракованный мусор просто порвало изнутри. Моя сборка тут ни при чем. Металл гнилой.

Я положил осколок обратно на стол.

— Проблема исключительно в качестве литья, Борис Аркадьевич. Вы собирались гнать авиационные приборы из прессованной фольги?

Самохин затравленно оглянулся. Ловушка захлопнулась окончательно.

Прокурор выпрямился, отрывая взгляд от микроскопа. В цеху стояла такая тишина, что было отчетливо слышно, как тяжело, с хриплым присвистом дышит Самохин.

— Констатирую, — громко, специально для протокола произнес следователь. — Сборка произведена без нарушений технологического регламента. Механические повреждения внутренних узлов, задиры или посторонние предметы отсутствуют. Причина разрушения изделия кроется исключительно в структуре самого корпуса.

Он обернулся к Главному военпреду.

— Товарищ полковник, полагаю, необходимо изъять образцы разрушенного металла, а также несколько целых корпусов из партии, и направить их на независимую лабораторную экспертизу для установления химического состава и плотности сплава.

Самохин судорожно выдохнул. В его бегающих глазах на мгновение вспыхнула слабая, жалкая надежда: любая экспертиза — это время. Дни, а то и недели, за которые можно попытаться замести следы, переписать журналы или на коленях умолять Снабженца вытащить его из петли.

Но этой надежде не суждено было прожить и секунды.

— Экспертиза уже проведена, — раздался из-за спин оцепления спокойный, глубокий голос.

Бойцы охраны невольно расступились, пропуская к испытательному стенду Марка Борисовича. Главный метролог шел неторопливо, с абсолютно прямой спиной, крепко держа за ручку свой потертый кожаный портфель. Он остановился напротив стола с искореженным редуктором и с сухим щелчком откинул латунные замки.

— Вот официальные результаты Центральной заводской лаборатории, полученные еще на прошлой неделе, — Марк Борисович извлек ту самую картонную папку и положил её на стол прямо перед прокурором и Главным военным. — Акт номер сто девяносто восемь.

Самохин пошатнулся, словно невидимый кузнец с размаху ударил его кувалдой под дых. Вся кровь в один миг отхлынула от его лица, оставив лишь мертвенную, восковую бледность. Он понял всё. Служба безопасности вскрыла пустой сейф. Акт выжил. И сейчас он лежал на столе перед прокурором.

Следователь открыл папку. Его цепкий профессиональный взгляд быстро пробежал по строчкам машинописного текста, заверенного синими печатями ЦЗЛ.

— «...микроструктурный анализ предоставленных образцов сплава выявил высокую пористость, наличие микрокаверн и шлаковых включений», — вслух, чеканя каждый слог,

зачитал прокурор. Каждое его слово вбивало ржавый гвоздь в крышку гроба Главного технолога. — «...химический состав категорически не соответствует ГОСТу для изделий первой категории опасности, работающих под высоким давлением. Предел прочности на разрыв снижен на сорок процентов».

Следователь оторвался от текста и поднял взгляд на Самохина. Тот беззвучно хватал ртом воздух. Вадик обхватил голову дрожащими руками, окончательно осознав, что пойдет соучастником.

Следователь снова опустил взгляд на документ, перевернул страницу и вдруг нахмурился.

— А это что такое? — он указал острием ручки на аккуратные цифры, выведенные карандашом на полях последнего листа. — Чьи это пометки? Семь цифр.

Марк Борисович выпрямился. Он ждал этого момента с того самого дня, как погиб Алексей Кузнецов — Старший технолог 4 цеха.

— А это, товарищ следователь, — твердо и громко, так, чтобы слышал каждый человек в оцепленном цеху, ответил Метролог, — номера транспортных накладных. Тех самых накладных фирмы-однодневки, по которым Борис Аркадьевич Самохин лично распорядился завезти этот левый, бракованный металл на завод. И провести его через бухгалтерию под видом дорогостоящего авиационного спецсплава.

Над участком повисла гробовая, свинцовая тишина. Шах и мат.

Следователь военной прокуратуры не проронил ни слова. Он еще раз посмотрел на искоженный кусок никелированной латуни, затем перевел взгляд на семь карандашных цифр, оставленных моей рукой. Медленно, с подчеркнутой бюрократической аккуратностью, он сложил Акт 198, перечерканные паспорта изделий и только что написанный протокол осмотра в свою папку.

Затем прокурор достал из портфеля новый, еще более плотный пакет для улик.

— Вещественные доказательства подлежат полному изъятию для приобщения к материалам уголовного дела, — сухо констатировал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Следователь лично, деталь за деталью, сложил в пакет с белоснежной ветоши идеально чистые толкатели, мембраны и клапан, фиксируя, что внутренка цела. Следом в мешок тяжело опустились обе части разорванного корпуса. Горловина была туго стянута суровой нитью, и на этот раз на ней повисла свинцовая пломба следственного отдела военной прокуратуры. Сухой щелчок замка пломбирователя прозвучал в тишине цеха как глухой удар судейского молотка.

— Самохин Борис Аркадьевич. Вадим Игоревич, — голос следователя был ровным, лишенным эмоций, и оттого пугающим до оцепенения. Он кивнул бойцам военизированной охраны. — Прошу проследовать с нами. Пока — для дачи первичных показаний.

Вадик даже не смог подняться с табурета сам. Двое дюжих вохровцев подхватили обмякшего технолога под руки. Самохин же казался мгновенно сдувшимся воздушным шаром. Вся его властность, вся номенклатурная спесь испарились в секунду, оставив лишь потного, обрюзгшего, постаревшего на десять лет человека. Он не смотрел ни на меня, ни на Марка Борисовича. Его остекленевший взгляд был устремлен в пустоту — туда, где прямо сейчас рушилась его криминальная империя.

Один из бойцов охраны забрал опечатанный мешок с железом со стола. Главный военный представитель, не прощаясь ни с кем, развернулся и тяжело зашагал к выходу. За ним последовал Савельев. Перед тем как покинуть оцепление, подполковник с пластырем на щеке на секунду притормозил. Он посмотрел на меня, стоящего у пустого стола, и коротко, едва заметно кивнул. В этом строгом офицерском кивке было высшее профессиональное признание. Металл не врет. И те, кто умеет его слушать — тоже.

Оцепление сняли. Комиссия покинула цех, уводя с собой вещдоки и бывших хозяев «Металлурга».

Мы остались втроем. Я, Петрович и Марк Борисович. Мы не жали друг другу руки, не хлопали по плечам и не улыбались. Мы просто молча переглянулись. В глазах старого Метролога за толстыми стеклами очков блестела скупая влага — он наконец-то закрыл долг перед Алексеем. Петрович тяжело, шумно выдохнул, словно сбросил с плеч мешок с чугунной стружкой.

План сработал безупречно. Главный гнойник был вскрыт.

Но расслабляться было рано. Самохина увезли, но гособоронзаказ был официально сорван. Заводу прямо сейчас грозили многомиллионные штрафы, остановка военной приемки и финансовая пропасть. А где-то там, в мягком кресле заводоуправления, всё еще сидел Директор по снабжению — умный, расчетливый человек, который и открыл ворота завода для этой левой фирмы.

Я взял со стола свой динамометрический ключ. Тяжелая, холодная сталь привычно легла в ладонь, остужая мысли.

Первая битва выиграна. Но настоящая война за мой родной завод только начиналась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.